История одного десанта

Падение с Земли - 5

Александр Владимирович Тюрин

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Человек разумный становится просто человеком. Разумность полностью перешла в введение киберсистем “оболочек”, которые заправляют всем и вся на планете Земля. Дегенерацией землян успешно пользуется одно дьявольское создание, не млекопитающее и не пресмыкающееся, а представитель небелковой формы жизни. Она непобедима оружием, потому что состоит из иного вида материи. Эта нехорошая форма жизни паразитирует на угасающих цивилизациях и занимается тем, что поглощает людей, то есть, тело, душу и даже личные вещи. Только разведгруппа, посланная космическими поселенцами, может кое-что противопоставить Твари, потому что жители космоса — это мутанты с микрочипами внутри и железной волей...

- Александр Тюрин
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7

Александр Тюрин
ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕСАНТА

Нужно прожить жизнь так, чтоб не захотелось прожить ее еще один раз.

Из приказа. Выдержка из файлов Базовой Летописи, 10-20е гг Эры Первого Кольца.

Союз Космических Поселений (Космика) выдерживает атаку киберсистем типа “оболочка” [ключ], достигших уровня функциональной интеллектуальности под действием “эволюционного ветра” [ключ]. Лобовая атака отбита, структурная уязвимость устранена. В это же время “оболочки” на Земле достигают господствующего положения по всем линиям человеческого поведения. Факторы прельщения:

обеспечение полной занятости, развитие гражданских потребностей и покупательского спроса, адекватность предложения спросу, увеличение качества трудовых усилий, безопасность жизни, сбалансированность по схемам “поставки-потребление”. После отработки прямого воздействия кибероболочек на человеческий организм через биоинтерфейсы и “искусственную кровь” [ключ] земное человечество в массе своей превращается в полностью управляемую среду. Конфронтация Космики и Земли переходит в фазу

полного непонимания. Для предупреждения столкновений Космика отводит свои боевые и разведывательные средства из ближнего космоса Земли — образуется зона разделения. Наблюдение из дальнего космоса, в основном, с лунных баз, показало уменьшение человеческой активности на Земле. В конце 20-х годов на материнскую планету было отправлено несколько разведывательных групп.

Выдержка из файлов “Хроники разведгрупп”, версия 2, блок “Капитан Алекс К123. Позывной — “Штеккер”.

1

— Внимание! Психподготовка закончена. Начинается отсчет времени сброса. Десять… девять… восемь…

В который раз слышу, но все равно очень интересно. Уровень адреналина в крови подскочил на десять пунктов. Кто-то считает, что этот гулкий загробный голос приносит счастье. Видно, приносит и уносит обратно, так что не успеваешь воспользоваться.

Сейчас мы распрощаемся со старухой “Гевурой”, самой первой боевой горой Космики. Как там насчет следующего свидания? Айкон — экранный дракончик — ничего по этому поводу не скажет. Пусть он и знает подноготную всех бортовых систем сбрасываемого разведкатера. Раз у айкона раскраснелась гузка, значит, двигатели уже напряглись и готовы вытолкнуть плазму, как только Бурелом выдаст приказ через свой биоинтерфейс Анима. Дракончика не интересует, когда персональное дело капитана Штеккера с пометкой “закончено” поплывет по мусоропроводу в архивный погреб. Впрочем и Аниму тоже. Хоть она впаяна в мой личный лоб и обязана вести всю бухгалтерию моего организма, ее не беспокоит, как сложатся отношения с грядущим. Я грядущее поимею или оно меня?

Я вот мучаюсь вечными вопросами, хотя должен лежать расслабленный, потому что ускорение будет не из щадящих. У командира же катера Анатолия К250, а вернее Бурелома, сейчас, как и всегда, высший класс. Он желает старта, по его крови разрядами пробегают мыследействия, и через биоинтерфейс врываются в мускулистое тело катера. И вот еле заметной дрожью, а также сминающим напором инерционных сил я извещен, что жизнь моя пошла в очередное пике — сбросились! Прощавай, моя порцайка макарон. Запомни надолго, гражданка койка, мой ненавязчивый вес. Можно помахать ручкой тренировкам по выживанию, выплыванию, оттаиванию, замерзанию, отъеданию.

Десять лет мы не баловались, десять лет “боевые горы” сторонились Земли или, как у нас теперь грязно выражаются — Грязи. И нынче “Гевура” подплыла со стороны Луны не оттого, что кому-то Мамаева побоища захотелось. Просто мы научились притворяться несуществующими. Мы умеем маскироваться под окружающую среду в тот момент, когда нас щупают локаторы недругов и прочие недотоварищей.

А пока “гора” будет снова прятаться за лунный блин, буреломовский катер прижмется к атмосфере Земли. Там он

разделится как оплодотворенная чьими-то усилиями яйцеклетка на три части: основной спускаемый модуль, резервный спускаемый и модуль прикрытия. Этот последний, в крайнем случае, вернется один, и даже экипаж ему не обязателен. В основном модуле готовят к десанту свои воинские доблести еще четверо бойцов. Четверо, не считая меня.

К015, он же Кактус, электрогигант, эталон вредности. У него все руки в разрядных клетках “столбиках” (сила удара в тысячу вольт обеспечена), плюс тепловое зрение, плюс модернизированные лихие синапсы (так что за его реакцию беспокоится не стоит), плюс тонкий ультразвуковой слух и соответствующий голосок.

Женский клон К111, Фикса. С ее электрорецепторами можно гулять в любой мгле, даже в аду, с ее глазенками различать ультрафиолет, с ее носиком нюхать как легавая собачонка. Она девка неплоха, только думает чересчур редко, гораздо чаще стреляет. Размер ножки у этой золушки — тридцать семь с десятью половинками.

Ну еще Т209, Тумблер, самый бесчеловечный человек, у него там в башке все время белок выделяется, от которого память в десять раз лучше становится; он целую ночь напропалую сам с собой то в шашки-шахматы, то в преферанс сражается.

К300, Курок, живой электромагнит, пошлешь его на… — так он пойдет, даже по потолку бродить мастак, таков заряд положительных эмоций.

Настоящее скопище монстров — с точки зрения жителей Земли, грязнуль, а с моей точки вполне милая компания. Правда до того момента, когда Курок начнет выблевывать жижу, которой он придает магнитные свойства веществам. Или до той поры, пока Кактус не перейдет в газовую атаку, выделив кубометр метилиндола — кто не знает, что это такое, большой счастливец.

Голубой шарик несется нам навстречу, как футбольный мяч. Десять лет, как никто из наших не лупил его бутсой. Интересно, грязнули такие же монстры, как и мы? Или похилее? Если похилее, то я им не завидую. Мы рано или поздно навяжем им неравноправный договор и будем регулярно получать землянику бочками. У нас ведь невыгодно выращивать землянику, а также слонов, китов, рембрандтов, бахов, достаточное количество женского пола. Зато напроизводили у нас хренову тучу драчливых людей для касты “К” (кшатриев), которые частично летают, а преимущественно слоняются по пивным, баням и заведениям интимных встреч-разлук. Их много, потому что раньше бойцов выбивала война, а нынче кибероболочки-плутоны посрамлены, но инкубаторы продолжают фурычить с тем же

скрежетом. Кшатрийное лобби давит на правительство, чтоб не останавливало машины, мало ли что. Будь нас поменьше, полегче бы дышалось другим сословиям, особенно “С” — вольным купцам и старателям. Они копаются там и сям, выискивая полезные минералы, развозят по самым дальним поселениям вибраторы-мастурбаторы, самогон и книги по философии. Мы же бабахаем из главных калибров в тех местах, где они работают, и буравим пространство там, где они тащатся с грузом. Если нас убудет, то грустнее станет только девушкам-трамвайщицам — есть такие, которые любят, чтобы сразу много людей оказывало им знаки внимания.

Командование распорядилось: сразу в пекло не лезть, себя в разумных пределах жалеть. Начать с какой-нибудь периферийной деревеньки, а потом уж выдвигаться на передовые позиции. Я эдакий пессимизм в действиях не приветствую — те редкие сведения, которые долетели от наших прорвавшихся зондов радуют тем, что грязнули, в основном, отдыхают, загрузив голову в объемный экран с веселыми мультяшками, сидя и лежа расслабляются, пляшут быстрые и медленные танцы, числятся на каких-то липовых работах, шатаются по магазинам и аттракционам. А кибероболочки ненавязчиво советует им как жить, не пускают в окно и на рельсы, закутывает шарфом в холодную погоду, ставят клизму или вливают слабительное, если не в порядке со стулом. Так что эти, с позволения сказать, жители Земли нам не соперники.

Защелкало, захрустело — модули разделяются. Я подмигиваю К678, Кнопке, из резервной группы, она за переборкой и представлена только на дисплее. В отличие от стриженой Фиксы эту валькирию даже можно вообразить в вечернем платье. Но мне про нее говорили — убийца, каких мало.

Спускаемся теперь совсем по-тихому, большие надежды на шумопоедание и полную маскировку под цвета неба. Наконец, последнее пшиканье движка, мы перестаем ненавидеть противокосмическую оборону землян и выходим, разминая ноги на планету Грязь. Спускаемый модуль становится поднимаемым. До свиданья, уважаемый, надеемся быть тебе полезным и впредь. И вот мы пытаемся напоминать группу туристов. Вряд ли первому встречному покажется, что у меня за пазухой нейтронный сквизер, который любое тело, за редкими исключениями, превращает в неаппетитную квашню. Или что у Фиксы в кармане бластер. Девчонка любит прожигать дырочки в тех, кто ей не нравится. А того, кто ей полюбится, угрохает просто кулаком. Мы, кстати, вместе с ней идем в деревню, еще с нами и Кактус, как грубая, едва обузданная сила. Командир подгруппы, конечно, я,

больше некому. Тумблер и Курок пока разобьют палатку и будут коротать время в лесу, вести внешнее наблюдение.

Шествует наша тройка по лесу, немного смущается, несмотря на свое очевидное жлобство. Ведь встает солнце, и мы балдеем от буйной дурости леса. В воздухе порхают непривычные вонизмы-миазмы, некоторые из них весьма недурны после нашей стерилизованной Космики. Задница еще ноет от уколов, которые обязаны отвадить всяких бацилл с их верткими жгутиками и токсинами. Солнышко жарит прилично, хоть раздевайся до утреннего костюма, то есть, до трусов. Кактус, я подозреваю, топает, как представитель местного населения, которого называют медведем. Да и то в лучшем случае. Ломится насквозь, искры с него сыплются, а после от веток паленым пахнет.

На Земле парень вроде него, наверное, стал бы злодеем. Сделал бы ребенка своей учительнице или ограбил бы приличного человека. А его все бы уважали, и граждане и пресса, так как вышел он из пьющей семьи и социально незащищенных слоев, да еще борется за право простого человека на мелкие радости. Прогрессивные граждане поняли бы, что он органичная часть нашего прошлого, отсталые товарищи нарекли надеждой человечества, а режиссер снял бы его с красивыми актрисами в обнимку. В итоге, земной Кактус устроил бы какую-нибудь масштабную гадость, например, сбросил бы бомбу, возбуждающую всемирный понос.

Ничего такого в Космике произойти не может, у нас вроде все вместе и одновременно очень-очень отдельно. Никому мозги не запудришь, даже не припорошишь, потому что каждый пожелает для начала выудить из твоей Анимы всю подноготную. А раз так, то К015 просто хороший парень. Хотя чужаку и может навредить. Помню, одному марсианскому ковбою, который крокогоутов разводил, при ссоре накинул он на голову чугунный котел и “подключился”, взявшись за ручки. Ковбоя-скандалиста так забило, что Кактуса вдесятером отрывали, завернув в три матраса.

Сейчас К015 мечтает вслух: “Хорошо бы пальнуть в какого-нибудь лося”. А я его торможу: “Смотри, как бы от тебя самого рога да копыта бы не остались. Так что рассчитывай на вегетарианский стол и стул”.

Карта у нас есть — мы, когда по небу крутились, рельеф местности слегка познали — но что-то сейчас с ориентирами не ладится. Куда-то все они попрятались или не на месте стоят. Магнитозвуковая аура душноватая. Я, кстати, своими рецепторами прилично чувствую магнитодинамические волны — те самые, знаменитые МДВ, что вырабатываются живыми

тварями. Так вот, хищным духом напоен воздух — будто кто-то хочет нас сожрать, оставив лишь скромные кучки дерьма на память. Мы, кстати, приземлились именно в том квадрате, где магнитография показала слишком резкие изменения поля, чуть ли не вихри. Правда, ауральный пейзаж Земли для нас покамест в потемках. Вещи, дикие для Марса, боевой горы или спускаемого модуля, на планете-маме, возможно, являются обычными и никому не интересными.

А потом, несмотря на все страшные предчувствия, встретился нашему трехголовому отряду лишь старичок-сморчок. Без биоинтерфейса — Фикса его мигом на электропульсацию проверила — шастает по лесу, раздвигает травинки палкой. Как же такие люди прозываются? Грибари, расковырники? Рожи, конечно, у аборигенов на уровне — по ним будто теркой прошлись,— а глаза прямо бусинки.

— Самое время грибочками заняться,— самостоятельно объяснился старикашка и справился заодно. — Вы куда, господа хорошие, бредете? Не заплутали?

Чувствую, Кактус уже напрягся, почуял вражьи происки, уже готов врезать и похоронить в своих объятиях первого встречного. Поскольку я командир группы, старенького гасить не будем, пускай еще покоптит. Может, он знаток фольклора? Так и хочется старперу скомандовать: “Ну-ка, сказки рассказывай, не то хуже будет”. Увы, толковать придется совсем о другом.

— Мы, милейший товарищ, туристы в этом сумрачном лесу, но от твоих объяснений не откажемся.

— Плутать здесь даже дураку негде,— отрекламировал местность старичок и так нудно стал живописать путь-дорогу до ближней деревни Оммены, что еле Кактус его унял, приобняв за щуплые плечи.

Гладкость в общении имелась, и деревню мы нашли после такой наводки, только вот не понравилась мне старикашкина МДВ-аура, о которой он, конечно, без понятия. Была у него аура свежего покойника. Никаких магнитозвуковых “свистов”, которые возбуждает нормальная психика с ее жадностью, завистью, подлостью и недоверчивостью — ничего нормального. Полный покой нарушался лишь легким ауральным “шипением”, намекающим на… стремление старого пенька к какой-то великой цели. Хотя надо учитывать, что я чайник по части землянских аур. Может, старикашка — йог, как наш знаменитый Шри Василий Адвайта?

2

Оммены — деревня в классическом понимании этого слова, без всяких модернизаций, не говоря уж о кибернетизациях. Памятник эпохи застоя и запоя. Люди, как и сто лет назад (так и хочется добавить: вперед), копаются без особого успеха в грязи. Никакой вам гидропоники, не заметны следы довольства и труда. Ни ощутимого полеводства, ни особого животноводства. Огородик подле кривобокой избенки, да коза на колышке над последней травкой издевается — вот и все сельское хозяйство. Из лесу изредка раздается звук пилы — это местные бабы стараются помаленьку, а мужики здесь вообще свои силы уважают и попусту не расходуют. Деревня такого отшибного вида, что даже сельсовет и тот за двадцать километров. Никакая автодорога к ней не приводит и от нее не уводит. Тянется сюда только железнодорожная ветка, по ней раз в неделю добирается пара вагонов для скудного обмена местных идей на городские товары.

Кажется, наши планировщики перестарались, выискивая периферию. Везде есть застойные зоны, но тут поначалу я был шокирован. А меня не смущали даже стальные радиоактивные трущобы Ретрограда, что на Марсе. Но там другое, там люди в такую задницу угодили, что как ни вертись — не выкарабкаешься. А здесь ни от кого ничего не требовалось. Где-то фурычили кибероболочки, развращая и насыщая, но в Омменах без них было темное царство, лишенное всякого проблеска. Это мой первый вывод для отчета о пребывании на Грязи.

Народ в деревне соответственно обстоятельствам был жмотистый, злобненький, нерасторопный. Подверглись мы мучениям — особенно я, как высокая договаривающаяся сторона — прежде чем удалось найти место пребывания и жратву (свой харч из-за проклятой маскировки не взяли).

Естественно, что мы накололись всякими средствами для увеличения восприимчивости психики к местной специфике. Наконец, когда говорок у меня стал совсем придурочный, удалось войти в сговор с одной бабкой. Она даже кое-что метнула на стол, из того, что уже портится стало. Что меня в этой бабке привлекло — аура у нее нормальная, “свист” жадности ого-го-го какой, у меня рецепторы мигом заложило. “Как-то пахнет не очень”,— пожаловалась Фикса, втянув воздух, доносящийся от харчей. “Не хуже нас”,— отразил укор я и покропил кушанье антидотом. Кактус же сразу перековал орало на жевало и кинулся к жратве. Кстати, не сплоховал. Хотя здесь вместо наших автопитателей применялся аппаратно-программный комплекс, состоящий из

миски, ложки и инструкции, как ими пользоваться — твердо усвоенной нами еще во время тренировок.

Вечером появился бабкин племянник, пьющий мужчина Финогенов. В нем, по счастью, еще сохранились атавизмы абстрактного гуманизма, он нас и поставил на улучшенное довольствие. А выжрать спиртового продукта он мог гораздо больше, чем даже бродяги-золотодобытчики с марсианского плато имени Горького. Это вполне естественно, потому что во всей нашей Космике или сила тяжести пониженная, или воздух разреженный, поэтому пьющие организмы как следует натренироваться не могут.

Во время пиршества я регулярно срыгивал и испарял свои стопки, следя за показаниями Анимы, которая заботливо мне сообщала процент алкоголя в крови. Но Кактус слишком вжился в среду и, как главный здоровяк, старался изо всех сил. От него было много смеха, переходящего в ржание. Однако, после всасывания десятой стопки он надорвался. Выбрался во двор и, потихоньку рассыпая искры, упал в грязь лицом. Я, старый космический волк, не без содрогания воспринял слова Финогенова, что конец веселью наступит, только когда полная стопка пересилит его жилистую, похожую на граблю руку.

Но и полезные сведения я от него тоже взял. Оказывается, лет десять назад имелись в Омменах кибернетизированные свиноферма и птицефабрика. Системы работали, местная публика предпочитала им не мешать. Аборигены были уверены, что без их участия всяко лучше. Потребности поднимались, а способности соответственно снижались до того уровня, когда на рабочем месте достаточно попивать пивко и забивать козла. Морды опухали, носы краснели, труженики разучались даже тому немногому, что некогда умели.

В итоге, оставленные наедине с автоматикой скоты и куры передохли от какой-то непонятной тоски, хотя для них даже телевидение имелось, каждой породе своя программа. “Ждем у экранов только баранов.” Трубы и стоки забились, почвы и воды отравились всякой дрянью, киберсистемы растерялись и разладились. Понаехали потом активисты из города, сказали: надобно самого человека менять, чтоб жить-не тужить ему в симбиозе с кибероболочками, как горожане живут. А для начала — отворить ему жилы и закачать в них новую кровь марки “голубой кисель”. Если ты ленишься или что-то подзабыл, кибероболочка через “кисель” тебе поможет своими сигналами нужные движенья совершить. Мужики это поняли как “не умеешь — заставим”, никто не явился к приехавшему для замены кровей спецвагону — хотя и пообещали всем согласившимся большую

премию. А ночью особый вагон даже подпалили и разграбили.

Конечно, несколько грабителей-поджигателей было отправлено на нары. Но поскольку случаев сопротивления в округе накопилось много — бестолковые сбились в банды и палили из обрезов в специалистов кровяного дела,— то эту петрушку стали потихоньку сворачивать. Особенно после того, как кто-то взорвал под Питером завод по производству “голубого киселя”. Так что отвязались активисты, сказав на прощанье: пропадайте, мужики, себе на здоровье.

А в городах, по сообщению Финогенова, давно проросла новая порода людей, которые сами ничего не соображают. Подключены такие болваны к оболочкам, сидят рядком, да и производят ладком всю промышленную продукцию. Тот же, кто полностью не подключен, на работу не ходит, чтоб не навредить; не пьет, не курит, но сидит в шлеме-галлюцинаторе и балдеет.

Но сейчас беспокоили Финогенова новые напасти. На озере, поблизости, ученые завелись на плавучих островах. Раньше вместо них на воде болтались баржи, переделанные в бардаки. Имелись там раздевальная изба со всяческим стриптизерством, массаж интимных мест, казино “палей в рояль” и разное веселье. Было, где самогон сбыть и где обобрать какого-нибудь любителя сальных радостей — если он в деревню ненароком забредет. Тогда даже водились купюры в карманах у омменовских мужиков. Но бабы-дуры накатали телегу прокурору, за что были потом неоднократно биты мужьями. Пришел закон и частников не стало, хотя цветастые гондоны до сих пор на ветках развеваются. А с тех пор как приехали научные начальники, ничего хорошего уже не случалось. Мужикам на озеро путь-дорожка закрылась, кругом забор, ни рыбки половить, ни искупнуться. Никакого обмена не стало. Попробуй, предложи “доцентам” что-нибудь купить или продать, шуганут от стены электрическим разрядом так, что будешь лететь, как зеленый горошек. Между прочим, непонятно Финогенову, чем они там кормятся, из чего острова лепят плавучие — по “железке” к ученым ничего не прибывает, лишь изредка навещает их геликоптер.

Финогенов от своего рассказа раздухарился до невозможного покраснения и заключил торжественно:

— Я тожно свою бабу поколачивал за создание такого нездорового морально-политического климата. Вот она и ушла к ученым за забор. Многие туда улепетнули из деревни. Говорят, там вообще работать не надо, жизнь сытая, только в экспериментах участвуешь — проверяют на тебе плавучесть острова… А я сейчас как пойду да и поссу им под забором за все такое.

И вот передовик по пьянству поднимается из-за стола и с решительностью, достойной лучшего применения, и движется, надо полагать, к озеру, где засели его обидчики. Надо бы к нему пристроиться, чтобы понаблюдать за реакцией зазаборных ученых. Кому идти следом? Искрозадый Кактус наш совсем разладился, Фикса же не очень жалует Финогенова. Узнала, что тот бабенку свою метелил, и даже отвернулась — видно боялась вмазать сгоряча — но аура ее жужжала от праведного гнева.

Раз так, я, соблюдая дистанцию, эскортирую — надеюсь, почетно — нового друга. Деревня на пригорке, за ней на склоне густой ельник — кажется, верным словом эти заросли назвал,— и вот растительность резко редеет. Финогенов впереди меня шагов на десять, бежит, матерится, любо-дорого послушать, ярость жаркой пульсацией сотрясает его ауру. А потом я этот забор почувствовал, вернее то, как он ультразвуками прощупывает местность — довольно плотный гул. Я, конечно, сразу шумопоедатель включил, чтоб не выделяться из пейзажа.

Вскоре после этого меня что-то хлестнуло по глазам, причем не ветка. Дикость какая-то! Ночь лунная, у меня зенки светочувствительные, поэтому не мог я пропустить такой подлый удар. Но пропустил. В глаза будто бенгальские огни залетели, и по мозгам мутные пятна проплыли. Когда боль унялась и в котелке прояснилось, я понял: пропал Финогенов за те секунды, пока я кручинился. А все другое осталось: четкие, будто нарисованные на фаянсе, ели, забор неподалеку, земля, закиданная прелой хвоей.

Я пополз, напрягая до предела свой электрический нюх — нигде мужичье тело не лежит. Только магниторецепторы зафиксировали прокатившуюся ауральную волну. По тренировкам помню: такая испускается голодными амебами. Последопытил я еще немного и нашел участочек почвы, внешне самый заурядный, однако, с аурой живого существа. Пока я прикидывал, поработать ли сквизером — все-таки это будет слишком заметно — смазалась странная аура и почти исчезла. Остался лишь небольшой фон, который можно списать на мох и погрешности наблюдения.

Ладно, будем считать, что Финогенов пропал из-за коварных мудрецов-озерников. Когда-нибудь их призовут к ответу, а сейчас пора сматываться, пока они руку не приложили к к моему безответному исчезновению.

По-быстрому вернулся я обратно в избу-ставку. Бабка по счастью уже отправилась на печку клопа давить. Я же вознамерился свою команду по-быстрому поднять да и тикать отсюда — чтобы нам не приписали уничтожения мирного

селянина. Хочу уже крикнуть ультразвуковым матом в дремлющий мозг Кактуса, как вдруг дверь отворяется и тихо входит Финогенов. Весь важный, влажный, даже одежка выглядит будто свежестиранная. Аура у него странная, застывшая, в основном, как у покойника. И одновременно помеченная очень живенькой вибрацией, которая людям вообще не свойственна! Похожую я воспринимал только, когда простейшие, то есть Protozoa, делились в банке в процессе шизогонии.

— Финогенов, ау, где был? Ты что, в стиральную машину угодил?

Но явно протрезвевший мужчина, храня строгое молчание, словно мальчонка, у которого за щеками спрятаны монетки, проследовал мимо в свою комнатку. И при этом от него пыхнуло такой расслабленностью, что мне сразу захотелось отдохнуть.

Мужик — живой. Кактус давно выдувает электрические трели, хотя рука его и спрятана под мышку, где хранится лазерный меч “Мясоруб” для быстрого шинкования людей. Фикса тоже вроде отключилась. Однако, едва я улегся на лавку в стиле позднего репрессанса, подняла голову. Я соратнице стал напевать колыбельную про странные ауры на планете Грязь, про тот фокус, который учудил хозяин избы, и, что мы, похоже, не смогли врубиться в местные дела. Но вскоре заметил, ей в сущности не до того — слезы на глазах космического монстра!

— Старая женщина-“бабка” назвала меня дочкой. Алекс, мне никто никогда не говорил это слово. Я ведь обычный инкубаторский номерок, вскормленный автопоилкой для женских смертоносных эскадрилий, я — всего лишь органическая начинка для боевой колесницы.

Тьфу на такое высказывание! Особенно мне не нравится, когда меня по имени называют, я давно уж не в цыплячьем возрасте.

— Ты бы лучше всплакнула, когда размазала из импульсника старателя, который всего лишь шлепнул по попке твоей железобетонной. Его уже предупредили, он уже удирал на катере, а ты догнала и трах-тарарах…

— Я тогда не знала, что мне делать с моей обидой. В нашей эскадрилье все девушки были уверены в сверхценной своей миссии, все стремились к идеалу суровой воительницы… Старатель был таким же номерком, как и я. Одним-двумя меньше, какая разница — инкубаторы все равно поддерживают численность касты на необходимом начальству уровне. А сейчас вдруг дошло до меня, что дело не в количестве, не в мощности инкубатора, что можно быть не только боевой единицей.

Вот так Фикса, первая сломалась, хотя внушала доверие. Но

увы, как незатейливо была уверена, что она валькирия, так же запросто и отреклась от своей сверхценной миссии. Надо бы поскорее отправить ее отсюда, пока не начала фокусничать.

— Бесхитростный ты бабец, К111. Дело не только в количестве, но и в качестве. Настоящее дело плодит героев, вспомни только войну с плутонами. И поменьше метаний. Человек, выжимающий одной левой сто кило, не подходит для душевных мук. Есть божественный ветер, тот самый, что создал Космику, что раздует ее на всю галактику. А ты струйка в нем. Ты все такое забыла, потекла как сироп — а ИМ ведь только этого и надо.

Но моя проповедь-отповедь не завела Фиксу на борьбу.

— Кому ИМ? Это только мы все время накрученные, машем кулаками в воздухе, да так, что палуба из-под ног вылетает. Война, если и была, давно закончилась. Даже на Земле, кибероболочки слезают с людей, как старая кожа со змеи. Здесь ведь можно быть человеком, центром семьи, куском деревни, другом козы и коровы, сестрой белки в лесу, родственником дуба на полянке, а не какой-то там струей божественного ветра.

— Вот именно, дуба.

Я вижу разговор напрасен, ей теперь только промывание мозгов поможет или перевод в сословие “мусорщиков”, куда сбивается всякая шушера. Я уже повернулся разочарованный на другой бок, чтоб ее не видеть, а она мне вдруг предложила:

— Чмокни меня, Алекс.

Я, конечно, вспомнил, как она разорвала пасть одному фобосскому монстрюку, мужику с большим зеленым хвостом, когда тот пробовал ее обсосать. Но от неожиданности все-таки потерял ориентацию и исполнил просьбу. С удивлением отметил, что губы у нее не твердые, как чугун, а вполне мягкие, хотя в умении ей далеко до дев радости из Кузьмабурга, что на Луне. А может?..

— Может и палочку сообразим?

Я от своего предложения быстро похолодел, сейчас как рубанет ребром ладони по шее, и позвоночник пополам. Я, конечно, не старатель и не монстрюк, но у солдаток принято оказывать половые услуги только тем, кто их одолеет в учебном бою. Впрочем, она не рубанула.

— Наверное, завтра. Я оттаяла только самую малость.

— Ну, ладно, оттаивай дальше, потом все равно заморозим.

Спалось мне, прямо скажем, не ахти, пусть привычный я к напряженке, как мяч к пинкам. И вроде можно особо не волноваться, если что, Анима разбудит, плюс рука лежит на рукоятке моего размазывателя-сквизера, однако сон выдался

тревожный. В нем была деревня, зыбкая как туман. Привычные очертания соблюдало лишь то, что попадалось на глаза, а остальное пенилось, крутилось, вытягивалось, принимало недолгий вид, жуткий, как у персонажей Босха. Вдруг, посреди всего этого свинства, Анима затормошила меня. И, хоть веки неподъемные стали как у Вия, я, тем не менее, продрал их. Биоинтерфейс резво принялся докладывать о параметрах моего организма — где и что выделилось — а меня больше всего заинтересовала господствующая аура. В ней звучало присутствие твари, нечеловеческая хищность, желание укусить и съесть.

Выйдя на крыльцо, я окинул внимательным ночным взглядом окрестности — никто не сочился теплом. Послал ультразвуки — никакого интересного эха. Потом через окно глянул пристально в комнату, где дрыхла наша команда. С Кактусом все в порядке, лежит смирно бревном и геройски храпит, заряжаясь энергией. А вот с Фиксой опять нелады, сама она дрожит, кровать под ней трясется — занедужила что ли? Надо бы ей заняться. Тут случилась у меня небольшая пауза, легкая прострация — наверное, от недосыпа. Впрочем, через десять секунд я был у койки с Фиксой. Вернее, без Фиксы, за десять секунд она успела потеряться…

Экий номер выкинула! Кактуса, что ли, поднять? Он все избу разнесет и деревню впридачу, но, что требуется, найдет. Наш К015 в Кузьмабурге именно так искал малыша, которого уволокли мутанты, чтобы расчленить на органы. Отлично нашел, правда нагромоздил кучу трупаков и от целого злачного квартала один кратер оставил.

Но для начала я догадался заглянуть к Финогенову, чем черт не шутит. Через замочную скважину протянул световод с камеркой и разглядел. Законченное распроблядство. Фикса, голая, влажная, прильнула к этому сморчку и трется об него. Вот так валькирия, нашла себе героя. По сравнению с Финогеновым даже тот вшивый старатель был, можно сказать, сияющей звездой. Вскоре неприятно мне стало смотреть, то есть, слишком волнительно. Забрал я свой световод. Ясно, что с таким поведением должен разбираться офицерский суд чести. Прикарманил я девкин бластер и лег додавливать сон.

Правда, одно обстоятельство чуть не помешало мне угомониться. Опять эта странная аура, как у бацилл в фазе обмена генным материалом. Но все-таки я себе убедительно втолковал, что на Земле разной дряни намного больше, чем у нас, поэтому мне и пришлось столь отчетливо ее почувствовать. Дальше спалось хорошо.

Утром, выглянув во двор, я стал зрителем безобразной сцены.

Бабка мылила Фиксе голову, сливала из кувшина на стриженую башку и напевала какие-то “трали-вали”. Мужчина с большой буквы “М”, то есть Финогенов, поправляя штаны, возвращался с победным видом из отдельно стоящей сортирной обители, где видимо избавился от части страданий. Очень все мирно, почти идиллия — то, что и нужно нашей оттаявшей до гнили Фиксе.

Наконец, откемарил свое Кактус и, заметив идиллию, сразу захотел ее разрушить, уже потянулся за своим лазерным ятаганом.

— Оттяпать ей дурной кочан,— предложил с готовностью К015,— лет десять назад за такое разбирались на месте. И сейчас мы снова на войне.

— Девушка, наверное, считает иначе. Лет десять назад нас душили с двух сторон, мы оправданно были злее. А сейчас наша задача — вникнуть в жизнь землян. К111 просто слишком хорошо вжилась… Оттяпать же всегда успеем.

— Парни, готовьте емкости,— крикнула бывшая соратница. Когда я наблюдал, как она неуклюже, но старательно раскладывает по столу плошки, тарелки, горшки, меня чуть не вытошнило. Надо ж, как человека жизнь вывернула. А когда она села и прислонилась к своему Финогенову, я чуть не свалился — у моего стула и то ножки подкосились.

— Кажется, наш дружок-сморчок сумел услужить пришелице со звезды, обладательнице большой п…

— Продолжения не надо,— оборвал я ультразвуковой шепот Кактуса. — Ты несправедлив к бедной девушке, твоим зубастым ртом зависть говорит…

Я прислушался к тому, как звучит аура нашей (или уже чужой). Фиксы. Опять недоразумение.

— Кактус, такое впечатление, что соратница испеклась уже. У нее аура покойницы. Срезан почти весь психоспектр.

— Для нашего дела она умерла, вот что,— бесхитростно заметил Кактус.

Я еще поднапрягся своими магниторецепторами.

— Или все-таки мертвец начинает вести себя повеселее, некоторые шипения и посвистывания уже прослушиваются, но как будто издалека.

— Издалека? Значит, она под телепатическим контролем. Давай все-таки размажем эту, понимаешь, зомби по стене или превратим в фарш, которым птичек кормят. — К015 честно искал выход из положения.

— Знаю, Кактус, знаю, что с тобой. Ты на такие грубые дела нетерпелив, можешь не напоминать. Успеется… Стану слушаться я твоих умных советов, так быстро обезлюдеет вся наша

экспедиция, только подметки от башмаков и останутся. Надо ж разобраться. Я вот, например, думаю, что это забор напаскудил. Как только там Финогенов побывал, психика стала разлагаться то у одного, то у другого.

— Что-то связанное с химией, Штеккер?

— Скорее, с физикой, друг мой. Сказав это, стыдливо умолкаю, потому что в данном редком случае я знаю немногим более тебя. Есть только микроидея: любого, соратника, несоратника, можно взять под контроль без помощи интерфейса и искусственной крови… Поведай мне, скрытый умница, откуда берется аура, то есть пакет магнитодинамических волн?

— Чего ты задираешься? Я зачет по МДВ давно сдавал, да и то списывал. Ну, кажется, это колебания в жидкости и газах, происходящие из-за электрических токов в голове — дельта-ритмов. А токи из-за какой-то там еще психической активности…

— Ты не бойся говорить что-то похожее на правду, верной ведь дорогой идешь. Так вот, психика как бы оставляет след в окружающем пространстве, прозываемый МДВ-аурой. Но почему бы не существовать обратному воздействию? Вдруг стоит где-то штуковина по прозвищу генератор, излучает волновой пакет, похожий на пульсации животной ауры. И этот пакет резонирует с содержимым нашей головы. Под черепной крышкой возбуждаются или гасятся какие-то токи и ритмы. От этого муть там образуется и ненужные эмоции. А в итоге, можно позабыть цели и задачи, поставленные “Уставом Войны” перед каждым кшатрием.

— Не люблю я твоих умничаний, липовые они у тебя,— признался Кактус, откровенно нарушая субординацию. — Особенно, когда ты долдонишь мне, что все вокруг просто замечательные люди, только вот какое-то говнецо в них резонирует. Передо мной не надо притворяться мудрым, я ведь в курсе — приличные мысли в твоей башке не водятся. Хоть ты в толковый, хоть в бестолковый словарь заглянешь. Меня другое интересует — кем сейчас заниматься?

— Эх, разговорчики в строю. И это называется мой подчиненный. Да займись ты хоть теми, кто на озере плещется.

— Ладно, но прежде, чем лезть мне невесть куда, рискуя собственными яйцами, я требую, чтоб ты отправил Фиксу на анализы. Нашим в лес или еще повыше.

— А если она не захочет?

— Слушай, не надо глупых вопросов. У меня захочет. В любое место,— успокоил Кактус. — Но ты вначале своими руководящими воздействиями замани ее в сарай… Попробуй только застрять на этой скамейке на манер сидячего памятника.

Разговор, не доступный остальным сотрапезникам, после

такой угрозы стих. Все это время Фикса вела с помощью обычных звуков беседу о том, каких скотов можно доить, а каких нельзя и, кажется, наслаждалась своей глупостью.

Через полчаса я заметил, что девушка куда-то засобиралась, тачку даже ладит. Пора тормозить, иначе Кактус мне не простит.

— Ты куда, пейзанка дорогая, снаряжаешься? — елейным, даже приторным голосом осведомился я.

— На станцию мешки с удобрениями завезли. Надо помочь Василию забрать их. Если хочешь, давай с нами.

— Лейтенант К111, тебе ничего не надо из того, что требуется Васе Финогенову. У него свое удобрение, у нас свое,— уже твердо, с легким дребезжанием в голосе надавил я.

Она, как ни в чем не бывало, продолжила свои занятия. Тогда зашел я в сарай, где и выдернул деревяшку из поленицы. Она естественно развалилась, чуть меня не угрохав. После этого я обклеил матюгами ни в чем не повинные поленья и стал вызывать помощь. Дескать, ой, эй, убился. А сам в щель сарайной стены поглядываю, как там Фикса реагирует, адекватно или нет.

Она задергалась, она чувствовала подвох и провокацию. Даже аура ее оживилась и расцветилась какими-то странными волнами. Первый раз в жизни был свидетелем такой нерешительности у кшатрия. Наконец, после долгой паузы, звенящей от изрыгаемых проклятий, она все же подошла к моему валяющемуся на земле телу. Я, как и полагается по сюжету, жалобно закряхтел.

— У командира все заживет и полный порядок, если ты будешь, валькирьюшка наша ненаглядная, вести себя прилично. И не станешь перенимать всякую глупость у грязнуль,— внезапно появившийся Кактус надежно заслонил проход. — Ты разве забыла, что у тебя есть мы — родня твоя фактически.

— Вы не родня мне, а попутчики. Сейчас же совсем осточертели,— напомнила Фикса,— вот скажу Василию, и он вас отсюда вышвырнет, как котов, поганой метлой. Тогда никто вас в деревне уже не пустит к себе. Я была бы рада увидеть ваши удаляющиеся затылки.

— С каких это пор мы тебе осточертели, а Вася милым стал? — уточнил Кактус. — Разве нормальные люди меняют так быстро свои взгляды? По-моему, тебе в подсознание уронили большую кляксу. Но не волнуйся, у нас есть промокашка.

Она не хотела бесед и политинформаций, в ее ауре даже не звучала неприязнь — лишь какие-то “свисты”, характерные для окукливающихся насекомых. Фикса-ренегатка, чтобы выйти, просто взяла и оттолкнула Кактуса. Причем, этот здоровенный жлоб чуть не упал! Я так надеялся, что он не схватится за свой “Мясоруб” — и Кактус-молодчик не подвел, совладал с собой. Он

выбросил в направлении Фиксы свою осененную разрядом руку. Какое-то мгновение, которое всегда венчалось успехом. Но сегодня успех перешел на другую сторону. Мгновение растянулось — К015 казался несколько задумчивым. А разряд его будто уткнулся в экран и закоротился. Раздался сильный щелчок, Кактус стукнулся оземь, запахло паленой кожей. Фикса шагнула через поверженное тело, однако не тут-то было. Вот за что я ценю К015 — он очухался, и, крутанувшись, сделал ей шикарную подсечку. Девушку бросило на поленья вглубь сарая.

Фикса вставала с непроницаемым лицом, а Кактус подступал к ней, нарочито играя искрами меж ладоней. Но все равно оставался заторможенным, будто вспоминал, какой собственно номер ему предстоит выкинуть. Когда К015 собрался снова показать свои способности, у меня неожиданно замельтешили темные пятна перед глазами. Мельтешня вскоре улеглась, но смотреть было уже нечего. Фикса оказалась почему-то сзади Кактуса, а он рухнул, кажется, от зверского удара в широкую шею.

Не ожидал я — экая К111 спецовка по рукопашному бою! И хоть в общем-то неудобно бить даму, решил поддержать осрамившегося товарища, которому явно стало не по себе. Я не нападал сзади, как последняя скотина, а подождал, пока Фикса повернется ко мне. Затем притворился, что упаду на руки и нанесу стригущий удар по нижнему уровню, однако же подскочил и в лучших традициях марсианской школы попробовал засадить в ухо. Я сделал нужные пол оборота, полюбовался, как выщелкивается моя нога и ботинок направляется на свидание с ее головой. Что было дальше — неясно. Пелена закрыла мои глаза, в ушах образовалась восковая пробка. И словно стайка пузырьков с щекотаньем прокатилась по мне. Щекотанье кончилось очень плачевным образом. Я успел приземлиться, почувствовать рецепторами кого-то сзади и получить по затылку. Тело оказалось слабее духа, поэтому наступило затмение мозга.

Когда оно прошло, во рту было полно щепочек, как у дятла, из носа натекла красная лужица — я понял, что спикировал мордой в пол, причем благодарить за это надо именно Фиксу. Она как раз довольно элегантно выходила в освободившийся навсегда дверной проем. Напоследок бросила кому-то из нас: “Слюни сам подберешь или ведерко подставить?” Вежливая Анима сообщила мне нешуточную силу пропущенного удара и оценила происшедшее, как легкое сотрясение мозга. После чего дала хороший совет: полежать в койке и принять соответствующие препараты. Действительно, лежу и вставать не хочется. А когда с большим скрипом поднялся, то меня стало

шатать и кренить. Впрочем, я мог понаблюдать, как из положения “на четвереньках” выбирается Кактус. У него был не самый здоровый цвет лица, а в нетвердой руке кувыркался лазерный резак. Кореш мой явно забодал носом полено.

— Сегодня какое число? — попытался я отвлечь его. — Пятнадцатое, да?

— У кого как,— и переключился на свое, “наболевшее”. — Я ее порежу несильно, только немного постругаю. Потом обжарю вот этими вот руками. Если настроение поднимется, разрешу тебе приготовить из нее студень.

— Надежды юношей питают. Дорогой Кактус, старайся увеличивать промежуток между своими мыслями и делами. Студень из Фиксы не для нас, потому что мы на работе. С такими красочными эффектами мы просто рассекретим операцию, а, значит, завалим. Ты разве не понимаешь, что божественный ветер полетит не туда? Здесь на Грязи не принято сводить счеты столь серьезным оружием, мы же привлечем внимание всех их органов!

— Она и так нас заложит. — Кактус почиркал воздух плазменным резаком.

— Будь она агент Грязи, то сдала бы нас еще ночью, вялых и сонных. А вдруг она просто попала в эксперимент, стала мышкой белой? Допустим, местные мудрецы управляют ее поведением. Однако, совсем не обязательно, что они по совместительству выслеживают десантников с Космики.

— Да барракуда эта меня за живое задела!

— Скажи спасибо, что не за мертвое.

Кактуса пришлось гипнотизировать долго и упорно, но едва он немного расслабился, как во дворе подвалил к нему Вася и бесхитростно съездил по морде. Чтобы к Ксюше не приставал — так Финогенов ласково прозвал нашу изменницу.

Я испустил истошный ультра-вопль: “Терпи, Кактус!”. И тот, хоть позеленел, но выдержал. Впервые в жизни его пожалел. А когда я поднимался в дом, чтоб из окна пронаблюдать за траекторией Фиксы и Васи, то крыльцо вдруг заскользило под моими ногами и все мои килограммы рухнули к его подножию. Под торжествующий смех Кактуса, который, наконец, отвел душу. Спокойно, это не диверсия, а просто заскок в моей голове. Только откуда он, неужели опять озерники постарались? Пока я клеймил их словами, одно страшнее другого, напарник мой на радостях вписался за стол. Хотел человек заглотить деревенский вареник, слепленный к полднику бабкой. И вдруг я понял: кончается Кактус — схватился за живот, согнулся, закряхтел. Потом К015 стошнил и лишь этим спасся.

— Пельмень-сука — живой,— объяснил Кактус, вытерев губы,

— знаешь, как запрыгал в животе? Здесь все с подвохом! Кругом мины. Свяжись с нашими в лесу, авось они чего-нибудь кумекают. Или я тут всех взорву и расстреляю со страха. Смешаю деревню с дерьмом, как самый жуткий агрессор.

Конечно, ему с пельменем просто показалось. За эту чушь спасибо тем товарищам, которые за забором. Однако, от моих объяснений К015 просто отмахнулся. А вообще-то мы с ним братья по разуму, то есть, два дурака.

Увы, связь с лесной группой не наладилась. Придется топать туда — так может и лучше, уж больно Кактус полыхает. Оставлюка его у палатки цветочки нюхать, а сам приступлю к основной работе вместе с Тумблером.

Но ерунда продолжалась и в пути. На околице у меня вдруг ботинки прилипли к грязи, а у Кактуса — морда к цветку. Моему товарищу понюхать, видишь ли, захотелось. Растение расстрелять пришлось. А грязь эту я едва сквизером разметал, чуть без ног не остался.

Из-за таких заскоков нервы совсем расстроились. Кругом эта поганая аура, которая все норовит нагадить в мозги. Благодаря ей самые безобидные вещи хищными кажутся, каждая травинка и былинка трепет вызывает. Однако, когда мы удалились метров на двести от проклятой деревни, ауральные волны немного подправились, и вероломные нападения прекратились. После чего я даже порадовался, что оказался в здешних местах. Даже Кактус разделил мои положительные эмоции, определенно одобрив экскурсию на Землю. И мне приятно, что он получил свой подарок после всяческих унижений. Впрочем, покажи мне здешний пейзаж заранее, по визору, я бы скривил презрительную физиономию и отвернулся играть в карты.

Солнышко греет тебе щеки, листва играет светом и тенью, слева и справа окуривает своим сладким дымом малина. Радуюсь, но и тревожусь — не сглазить бы. И сглазил. Недолго мы по дорожке шастали с легким присвистом. Из малинных кустиков вылезло двое юнцов с противными мордами. У нас в Космике, при схожем раскладе, они бы вытянулись в стройные фигуры и отдали бы честь. Здесь “честь” они тоже отдали, но на свой лад. Один парень длинно плюнул в мою сторону, другой выделил поджопник Кактусу. Я их ауру сразу почувствовал, животная злостность меня как ветерком обдала. Опять накрученные балбесы поперек дороги! Себя-то я удержал от мести, а вот с Кактусом не получилось на сей раз.

Он, конечно, себе лишнего не позволял, когда разбирался с раздатчиком поджопников, но все равно получился явный перебор. Мышца Кактуса рывком увеличили потребление АТФ,

поэтому наглый молодой человек был взят за шкирку и заброшен далеко в малину, откуда не донеслись никакие звуки. Все произошло слишком быстро, и К015 явно не успел разрядиться. Поэтому он, сверкая эмоциями, оборотился ко второму обидчику, которого я не заслонил лишь потому, что не хотел второго сотрясения своему не слишком крепкому мозгу.

Итак, я отошел в сторонку, дав зеленый свет расправе. Второй юнец оказался на свою беду весьма упитанным краснощеким кабанчиком, что подхлестнуло творческие поиски моего напарника. Он, ухватив толстяка за бока, подбросил в воздух, потом вытер румяными щеками свои башмаки, дернул током до трясучки (это само собой — фирменное блюдо), ткнул носом в какой-то собачий кал. Наконец, взял юношу за ногу, похожую на окорок, и раскрутил с видом метателя на соревнованиях. В итоге, туша взмыла в воздух и сотрясла землю где-то в середине кустов. Однако, увлекшемуся Кактусу и этого показалось мало. Он отправился следом, непреклонно хрустя ветками, чтобы подобрать свою добычу и еще потрепать ее. Но вдруг я сообразил, что наступила пауза, минута тишины, оттененная лишь каким-то чавканьем на фоне легкого шелеста листьев.

Я у Кактуса осведомился, чем он там занимается, не поступил ли из-за всех переживаний в педики. Ввиду безответности, пошел средь ломаных сучьев, пока не напоролся в конце недолгого пути на отвратительнейшую из сцен. На ветках и траве были остатки того, что называлось толстым юношей. Кое-где в листве просматривались расползшиеся кашей черты лица. Остальное превратилось просто в болотце. Кактус же ухитрился разжижиться и разложиться. Пока что в этой жиже оставалась целой лишь его голова. Она еще пыталась смотреть и пускала изо рта — не скорбного, а вполне веселого — большие пузыри. А потом и она стала лопаться. В этот момент я рванулся и сорвал со лба Кактуса оголившуюся пластинку Анимы. Затем отскочил в сторону, что не помешало мне блевануть для облегчения, и, наконец, ударился в сверхскоростные бега. Когда отсчитал пару километров, тогда уж попрощался с К015: “Шуруй дальше, дружок, на самый верхний чердак рая”.

Единственное разумное объяснение, которое приходило — ударили из какого-то сверхмощного сквизера по Кактусу и толстяку. Но это тоже показалось совсем неразумным — у кого в округе есть сквизер кроме меня? И почему не было слышно характерного звука выстрела, похожего на шум сморкания из большого сопливого носа?

Я, к тому же, несмотря на весь свой раздрай, хорошо прощупал малиновые кусты и все что поблизости. Однако,

ультразвуковое и тепловое обследование не выделило никакой вражеской силы. Единственный намек — не слишком сильная ауральная волна, схожая с той, что бывает у инфузории, когда она захватывает какую-нибудь жратву. Но ведь это здесь обычное, как говорится, фоновое излучение! Разве может случится от него такой вред?

Нет, если я чего-нибудь не пойму в ближайшие пару часов, то вместо Кактуса разнесу эту сраную местность в клочья. Так все и закончится, если шахматно-шашечная башка Тумблера меня как-нибудь не просветит.

Т209 и К300 на месте не оказалось, только обрывки палатки. (Я огорчился, как однажды на Меркурии, где я три часа полз до герметичного санузла, а обнаружил там только свеженький кратер — метеорит нужду справил.) И еще всполошился из-за этих скромных лохмотьев. Но потом увидел на пеньке успокаивающую надпись, сделанную инфракрасной краской: “Если пойдешь вдоль змеящегося следа, мимо большого дуба на холм, то найдешь Тумблера и Курка”.

В конце концов обнаружился змеящийся след от какой-то странной машины, не гусеничной, не колесной, не шагающей, разве что волокуши. А за холмом нашелся дом, который явно расположился в неверном месте. Ни одна дорога не соединяла его с внешним миром, только эти гадские следы сходились к нему веером. Что впрочем не отразилось на качестве хоромов: кирпич и толстые бревна, два этажа, теннисный корт. Неприятная аура и здесь присутствовала, но с этим я уже свыкся, как работник общественной уборной с соответствующими ароматами.

Судя по посланию, Тумблер с Курком встали на постой где-то здесь. Однако переться напролом не хотелось. Навидался уже всяческих выкрутасов. Я, включив поглотители и термобалансеры, не пожаловал в калитку, а обклеился листьями и взобрался на дерево, достаточно удаленное от строения. Окна второго этажа оказались зашторены, а на внутренности первого этажа можно было полюбоваться, включив увеличение в очках.

Тумблер мирно дремал в кресле, словно какой-нибудь доцент или эсквайр, видно было, что принял душ и набил брюхо. Землянская антикварная книга на коленях. Детектор биологической опасности около тапок, тот самый, что реагирует на возмущения электрического поля. Кстати, это приспособление было встроено в мой организм, когда я еще сперматозоидным хвостиком вилял. Зато Тумблер умел не только умничать, но и по-настоящему думать, в отличие от меня. Поверх книги лежал кард-компьютер, который сообщался напрямую с его Анимой, а через нее с мозгами.

У человека фурычила башка, и это стоило приветствовать. Однако незакрытый кран нельзя было одобрить. (Учитывая, что на Космике редко воду дают — приходится фильтрованной мочой пробавляться.) Из коридора текло, у ног Тумблера быстро образовывалась лужа. Биологической опасности нет, а угроза наводнения самая насущная. Дрыхнул наш боец, хотя лужа уже ласкала подметки. И вдруг — отъявленная ахинея — вода начала вращаться вокруг ног и, не прерывая своего хоровода, бросилась на Тумблера снизу вверх. На коленях у него мигом появился странный крутящийся шар.

Внимание, включаюсь! Не сразу включился, а с запаздыванием. Хрустя ветками, свалился с дерева. Пока добирался до дома, несколько раз сам себе подножки делал. Фосбери-флоп через забор совсем никудышным получился, я наверняка заработал трещину в копчике. Все сегодня не клеится! Дверь — мощная железная сволочь, такую даже электронно-позитронным резаком не сразу возьмешь. Придется спасать товарища с помощью окна. Я поднялся на цыпочках и заглянул в комнату. Там Тумблер, уже вполне проснувшийся, но обалдевший от какого-то счастья, сидел внутри большого слизневидного шара, который крутился и поплевывал струйками. Пузырь катался по комнате, прыгал до потолка, мой товарищ тоже. При этом он не страдал от беспомощности, на лице запечатлелась радость. Неужели считал, что шарик повинуется ему? А ведь Тумблер был не какой-нибудь бычок породы “кшатрий”, пускающий дым из ноздрей по поводу и без, а серьезная “головоногая” личность. Как-то во время аварии в поясе астероидов он сумел приспособить целое небесное тело, напичканное легкими металлами, для движения в зону, где проплывают рейсовые суда.

Выскакивающие из пузыря струйки-протуберанчики напоминали дрессированных змеек или пиявочек. Особенно своими извивами и поисковыми способностями. То и дело они хватали что-нибудь — щетки, расчески — и приносили в распоряжение Тумблера. Он блаженствовал, сидя в таком расторопном коконе, а я слегка оцепенел, наверное, залюбовался омерзительным действием. Ведь такое тоже бывает. Когда снова воспрял и собрался вызволять соратника, пузырь уже вовсю бурлил. А Тумблер стремительно уменьшался в размерах! Через секунду ему уже не нужны были брюки, потому что ниже пояса все отсутствовало. Это отразилось на выражении некогда умного лица, которое теперь стало идиотическим и блаженствующим. А пузырь-то людоедом оказался!

Я попробовал было вышибить стекла, но тут в сторону окна полетели “пиявочки”. Рука будто двигалась сквозь подсолнечное

масло, и эта гадость успела раньше. Она расплескалась об окно, а меня сей момент отшвырнуло, как ударной волной. В “котелке” забулькало, уши заполнились какофонией, глаза повернулись на сто восемьдесят градусов, мышцы пережили легкий конвульсиум. Я шмякнулся об землю сильно, однако не разложился на составляющие. Наоборот, сработала пружинка воли и я вскочил. Прыжок к окну

— и опять какая-то неурядица с перестановкой ног — поскользнулся на рассопливившейся вдруг почве. Упал плохо, прямо кочаном в стену. Едва сумел смягчить удар, вернее его последствия, руками. Вот и второе мое легкое сотрясение за один и тот же день. Еще десяток извилин спрямилось, и должно быть нелишние мысли вылетели через уши.

Мое тело, похожее на сброшенный монумент, поднимается, но спасать уже некого — в пузыре осталась только развеселая маска, напоминающая о Тумблере, которая тоже вскорости растворилась. Номер кончен, пузырь, поглотивший Т209, оперативно становится вертящейся лужей, она веером ручейков усвистывает в коридор. Я только заморочен, а товарищ мой исчез. И пока что нечего противопоставить этим фокусам. Нет ни сил, ни знаний.

Я все-таки изгоняю прострацию — может, еще не спета песенка Курка? Для начала ему немного повезло, потому что я нашел бочку, закатил в нужное место, перебрался с нее на козырек крыльца, потом сделал несколько шагов по карнизу. И, наконец, смог поставить диагноз дорогому товарищу, разглядев его сквозь щель между штор. Он, оказывается, хорошо проводил время, этот наш аскет, нисколько не интересуясь предсмертными метаниями своего соратника этажом ниже. Время убивалось на бабу явно местного производства, с задницей, которая пленила бы два стула, и буферами, что могли бы выкормить бычка. И наш знаток космической науки сейчас выдавал такие пенки, которые скорее подобали знатоку науки страсти нежной. Выучился ведь где-то, шельмец.

Значит, все же был наш Курок разнообразнее, чем казалось. Сцена была обставлена так: объект временной страсти разлегся на диване, лузгая семечки, и был пока что одет в халат. Бывший аскет с соответствующей улыбочкой подбирался к нему. Наконец, точь-в-точь как в запрещенном порновидике сунул руку в запах халата и давай там оперативно шуровать. Вначале я был несколько озадачен, подобает ли прерывать старания человека в такой откровенно интимной обстановке, даже при наличии вражьего окружения и потери бойцов? Кроме того, и посмотреть интересно.

Потом я все-таки встряхнулся на манер пса, выбравшегося из-под душа. Сейчас ничему и никому нельзя доверять, даже гражданке со смачными телесами.

Пока мой боевой настрой несколько растянуто превращается в действие, обваливается кусок карниза под башмаком. Я почти падаю, но все ж таки повисаю, впившись пальцами в подоконник. Включаю мощность бицепсов и дельтовидных, подтягиваюсь. Однако, в некотором смысле уже поздно.

Наш рукосуй Курок с головой ушел в запах халата. Он очень быстро втягивался во внутрь бабы! Курок еще пытался тапком зацепиться за кресло, но у предмета вдруг обломилась подпиленная, наверное, ножка. Я, держась на одной руке, с натужным кряхтением стрельнул из сквизера по толстомясой злодейке. Ей хоть бы хны, хотя выстрелом раскрошило стекло и растрепало штору. Словно в ответ подоконник одним своим концом стал съезжать вниз. Я кое-как ухватился за кирпичный выступ в стене и опять задержался. Руки были заняты, так что никак не повоздействовать на быстро меняющуюся ситуацию. Оставалось только ей “насладится”. Сопротивление Курка, особо не начавшись, прекратилось, хотя был он еще жив и одной ногой почесывал другую. А кирпич под моими пальцами уже крошился, как кекс. Еще секунд десять понадобилось на то, чтоб закрепиться снова. Наконец мне удалось в третий раз поднять неожиданно тяжелую, как три булыжника, голову. Сопротивление незадачливого любовника давно прекратилось и дело стремительно приближалось к своему логическому (для кого-то) концу.

Прикрепился к потолку полупрозрачный мешок, в наружности которого улавливались черты той самой бабы. В частности его венчала голова с косой, волосы как раз вросли в потолок. Внутри угадывались очертания слабенько подрагивающей фигуры Курка. Мешок пружинил, слегка подскакивая и опускаясь.

Я все-таки пробовал освободить одну руку, чтобы отомстить сквизером монстру-мешку за погибель моего товарища. Однако подоконник впился острым краем в правую ладонь, два кирпича странным образом защемили пальцы левой. Раненые конечности разжались. Недоштурмовав окно, я отправился вниз и долбанул землю не хуже, чем метеорит средних размеров. Конечно, пробовал немедленно вскочить — но не очень-то получилось. Нестерпимая сила множеством нитей проникла в мои поры, ухватила петельками каждую клетку, обвила весь организм и стала тянуть. Анима предупредила о нехорошем изгибе позвоночного столба. Я, выслушивая хруст собственных

позвонков, кое-как повернул голову, чтобы глянуть вверх на проклятое окошко. Баба-мешок уже отцепилась от потолка и заполнила оконный проем — большая, широкая, поправляющая халат — внутри нее еще что-то устаканивалось, слегка колыхаясь.

Анима любезно напоминала, что внутренние органы подвергаются большим нагрузкам. Однако, эти сведения мало чем могли помочь. Меня крепко взяли за каждую молекулу и куда-то тащили; кажется, вслед за Курком. Да, похоже, этот лесной домик построен специально для невезучих парней.

Монстр-баба погрозила мне пальцем. Пока перст шел вперед, кровь отходила к спине и затылку, оставляя тьму в глазах. Палец отправлялся обратно, кровь вместе с болью бросалась ко лбу. Вредное существо покачало головой и тут же стал выворачиваться мой желудок, неаппетитно заполнился блевотиной рот. Даже умственные способности подверглись взбалтыванию, отчего из цельных мыслей получился какой-то компот. Страшная баба поманила руками-колбасками, и содержимое головы захотело вылезти через теменной шов. Я, пытаясь не отстать от столь важной начинки, лез по стене прямо в объятия пузатой ведьмы — усердно, как альпинист высшей категории, выискивая кончиками пальцев каждую щербинку. Изменить пагубный курс казалось столь же невозможным, как отвернуть ракету, падающую на Юпитер.

Смертоносное существо сочилось довольством: все у него ладилось и получалось. Я даже, находясь в умопомрачении, представил себе хвалебную газетную статью. “Отлично показала себя в полевых условиях новая продукция наших оборонщиков, с юморком названная “бой-баба”. Ею уничтожено двое диверсантов из элитных частей агрессивного режима…”

Но… Словно заряд пороха взорвался где-то в районе копчика — и сплющенная, смятая в комок пружина моей воли распрямилась.

Тело замерло, вибрируя, словно было нанизано на упругую железку. В голове вихрем пронеслась вся Космика, крохотные огоньки разрослись в боевые горы, ревущая сила Юпитера и Сатурна проникла в мои жилы. Что мне теперь какая-то баба!

Бахвальство бахвальством, но спасение казалось еще более странным, чем сама угроза. Из меня, моих костей, мяса, жира вдруг вышел смерч, состоящий из плотных густых пульсаций. Я сам превратился в мощный излучатель. Смерч закружился вокруг меня, стал защитной оболочкой, которая впитывала вражескую энергию. Впитывала словно губка, а потом вдруг отжала узким направленным потоком. Монстр-бабу крутануло как юлу и зашвырнуло внутрь комнаты вместе с ее страшной силой, меня,

напротив, кинуло со стены.

Спустя несколько секунд смерча как ни бывало, а я мчался по пересеченной местности, проверяя содержимое карманов — все ли осталось на месте после таинственных явлений.

Ломая ветки и сминая кустики, я пережевывал снова и снова едва закончившийся кошмар.

Каким способом уничтожали моих товарищей и посягали на меня? Может, это постарались смертоносные устройства из квазиживой органики? Но тогда бы я зафиксировал и значительное выделение тепла, и соответствующие изменения электрического поля. А ведь ничего подобного.

Да, катились ауральные волны. Как от пузыря-людоеды, так и от хищной бабы. Волны, характерные для фазы оплодотворения половых клеток-гамет у кокцидий, малярийного плазмодия и прочих Protozoa. Возможно, именно таким образом я воспринимал работу психотронного излучателя. Однако как связать псих-лучи с двойным убийством и тем, что творилось с моим многострадальным организмом? Как?

Над чем можно еще покумекать? Первый лептонный передатчик сгинул вместе с Тумблером, второй, может быть, у Фиксы остался — однако, между нами обводной канал и баржа с гробами. Но как-то надо повстречаться с резервной группой. А даже если мы пересечемся, какое облегчение принесет желанная встреча? Можно просто взмыть отсюда легче водорода. С другой стороны — нам ли, кшатриям, бояться собственных трупов? И, конечно же, если мы не расправимся с непонятной опасностью здесь и сегодня, завтра она, став вдесятеро мощнее, заявится к нам.

Впрочем, кое-что ясно. Жертвою становится тот, кто дает слабину, кто хочет словить какой-то мелкий кайф. Вначале пострадал Финогенов, который ринулся к забору в страшно вздрюченном виде, потом зацепило раскисшую Фиксу. Я остался в сторонке, но схватило перепсиховавшего из-за Фиксы Кактуса. Наконец, пришла очередь Тумблера, явно изголодавшегося по свободному творчеству, и Курка, иссохшего по бабам. Что это такое? Простое облучение животной аурой? — как бы не так!

Не было ли заражения каким-нибудь вирусом или его братом по оружию, микробом. То есть, зверьки после недолгого инкубационного периода начинают выедать мозги, ослабляя воинские и гражданские достоинства? При этом дельта-ритмы у больных спрямляются (отсюда покойницкий вид ауры), в их ауре звучат только вибрации этих самых бацилл. Далее инфицированные легко становятся добычей психотронного генератора и превращаются в заводных дурачков, которым можно

вдуть в психику, все что угодно.

Но почему я целее всех других? Иммунитет к инфекциям, стойкость в борьбе с псих-лучами, и как кульминация — вовремя закруживший смерч. Эти свойства характеризуют меня как великого йога, шамана, махатму! Однако разве есть что-нибудь примечательное в моей биографии, кроме взлетов и падений, причем чисто физических? Или я закаленнее других? Нет. Время физзарядки нередко предпочитал дарить десятому сну. А может умнее? Тоже неправда. Если отбросить в сторону гримасы на лбу — то совсем наоборот. По сравнению с Тумблером вообще дубарь. Добрее? Если это и имеет положительное значение — вряд ли. Злее? Гнусная ложь. Трудно было перещеголять в злостности Кактуса.

Итак, единственное, что можно писануть под подведенной чертой — в чем-то каждый из остальных меня перещеголял. А вот если на круг взять, получится из меня самый сбалансированный, самый симметричный во все стороны вариант.

Наверное, поэтому ко мне божественный ветер благоволит — премного благодарны — и в обиду не дает. Может, у всех имеется защитное поле, но оно какое-нибудь распыленное-разбросанное, а у меня плотненькое. В нем вирус с бактерией дохнут. Психотронный луч вязнет и гаснет. Пусть неясно со смерчем, а все равно хорошему делу возражать не будешь.

Под конец думного часа я, утомленно зевая, решил, что отнимать передатчик у Фиксы буду глубокой ночью, а пока можно отдохнуть.

Превратил с помощью сквизера одного пролетающего голубя в куриную котлетку — увы, пришлось, чтобы в животе было не так одиноко. Да и задремал, не дожевав сомнительную снедь.

Как ни странно, дрыхнулось мне вполне удовлетворительно, никакие подлые ауры не снились. Только прихрапелось, что дома в деревне словно живые, жрут рубероид с крыши, выделяют слизь из окон и жидкий стул в нижней части стены.

3

Вскочил я, потому что в 22:40 Анима скомандовала “подъем”. Я это умею — из любого сонного состояния сразу в позицию для ведения огня. Магниторецепторы подсказали, рядом что-то есть: живое, с психикой, но вот теплозрение и ультразвуковые крики не выделили никакого силуэта. Настроен, однако, я был решительно, поэтому для профилактики пшикнул сквизером по сторонам. Веточки деревьев оплыли, как пластик, и откуда-то из-за кустов послышался… Крюк:

— Так хорошие мальчики не поступают. Принято говорить: “Стой, кто идет?”

Я чуть не запел, когда увидел фигурятины наших резервников, особенно приятные ножки Кнопки.

— Ну, такие-разэтакие, вы бы еще пару деньков поскребли наверху атмосферу, и я бы стал совсем скверный, тухлый мальчик.

Я им, конечно, порассказал, захлебываясь, какие творились дела в их отсутствие. Заключил свою речь вещими словами, что лишь тот, кто побыстрее смотает отсюда удочки, может рассчитывать на успешное продолжение своей автобиографии.

Но лейтенант К678, вернее Кнопка, с ходу мне стала перечить.

— Видно, что ты устал, нервничаешь. Говоришь много, интересно, красиво, но со страхом. Адаптационный невроз. У тебя не голова уже, а горшок для вложения всякого кала.

И Крюк ей поддакивает:

— Молодец ты, Штеккер. Хорошо поработал, но все-таки перенапрягся и растерялся. Может, пора на боковую, в анабиоз? Это, говорят, успокаивает.

— Я бы на вашем месте так не старался отправить меня в холодильник. Вы тут без меня недолго прыгать будете.

— Ты даже не врубился, что Фикса — просто землянский агент, а еще вернее, кукла плутонов, недоистребленная в свое время,— обвинила меня в недотепистости Кнопка. — Оставлять ее здесь нельзя, слишком много знает. Вместо того, чтоб руки заламывать, лучше бы ее ликвидировал по-быстрому.

— Будь она агент, я бы уже с тобой не балакал. Она дала мне уйти, даже не попробовав завербовать. Уж в этом-то я не совру, проверь, если хочешь, мою Аниму.

— Ты рассуждаешь про такие дела, как школьник, насмотревшийся шпионских фильмов. Агенты разные бывают. Что толку тебя завербовывать и отправлять обратно на Космику? Ты

на второй день пойдешь там сдаваться с повинной. Тебя своим сделать надо. Заодно и остальных десантников дождаться. На это и было выделено время, которое, однако, станет работать на нас.

— Микробы в башке вряд ли на нас работать будут.

— Ой, какие микробы, я тебя умоляю. Когда они в башке — это обычный менингит. А неострое воспаление называется сифилисом, и влияет на мозги лишь спустя пятилетку после неосторожной любви. Это, во-первых. Во-вторых, пузыри и бабы, хватающие людей за живое, не более чем мультяшки. Знаешь, есть такие прозрачные пленки-экраны, на которые выводится объемное изображение. Наших ребят, наверняка, просто застрелили, а тебе, вернее, твоей возбужденной психике показывали фильмы ужасов. Что тебя тянуло куда-то, шатало, мутило — совсем неудивительно, учитывая, что твоя нервная система обрабатывалась магнитозвуковыми пучками. То есть, ауральными волнами. В-третьих, ты действительно показал себя орлом, раз выявил психотронный излучатель…

Ну до чего в моем вкусе эта маленькая решительная, как комарик, К678. Знаком-то я с ней слабо, но рассказывали, что она в марсианском оазисе пошла в гости к мутанту, который всех женщин превращал генными выкрутасами в растения на грядке, и сделала из него удобрение для той же самой теплицы.

И вот заработали мы так, как нравится Кнопке. В 23:20 вышли к деревне. Подкараулили Фиксу, когда она решила что-то сыпануть курям, да из сквизера — шпок. И нет К111 на Земле, как и не было, исчезла проблема. Все надежно, превратившаяся в квашню шпионка не собиралась больше подавать признаки жизни. Осталась только пластиночка Анимы, которая будет сдана после экспертизы в архив. Наверное, мы поступили не по-товарищески, но заповедь “не убий” скорее соблюли, чем нет. Сколько народа могла бы погубить своей изменой Фикса — коэффициент превышения добра над злом у нас нормальный получился. Но тут меня легкое сомнение обуяло. Кто ж вызвал с помощью лептонного передатчика резервную группу, да еще спецкодом? Кроме Фиксы больше некому. А вдруг погорячились мы, ошибочка вышла, допустили брак в работе? Тогда К111 не злокозненный агент, а просто жертва обстоятельств.

— Не расстраивайся,— успокоила меня Кнопка. — Она поторопилась нас вызвать, потому что у ее паханов принцип “давай-давай, быстрей-быстрей”. Думали они, что мы в Фиксе снова уверимся после такого обманного хода и примем обратно в свои ряды. Как бы не так,— и по-девичьи хихикнула в ладошку. — А даже если Фикса не агент, даже если она просто засомневалась в “Уставе Войны”? Это разве ее оправдывает? До таких гадостей,

как спариваться с грязнулями и бить собственных товарищей, докатилась ведь только она. Нет, от нее одна беда.

Тоже верно, сойдемся на этом. Включили мы поглотители-отражатели и пошли на приступ с южной оконечности озерной стены, где заросли кизила и хорошая скрытность. Съели, конечно, таблеток, чтобы успокоить эмоции, от которых, как известно, основная аура и образуется.

Первый этап, и первая осечка. Мы с Кнопкой перемахнули через трехметровый забор с помощью пневмопрыгов, а Крюк ногами прыгнул. Мы, конечно, этому не удивились, мускульные миофибриллы у Крюка растянуты долгими тренировками, и внутреннее топливо АТФ он умеет производить в лошадиных дозах. На некоторых астероидах ему под силу и на первой космической скорости подскочить. Но тут какие-то концы с концами у него не сошлись, он взял и потянул сухожилия, да еще захромал. Срочно провели мы планерку и решили, пусть Крюк отдохнет, мы и без него разберемся с местными хулиганами. На таком решении, кстати, особо настаивала Кнопка.

Оставшиеся в строю бойцы надули свои поплавки, напялили дыхательные маски и тихонько-тихонько погребли где-то на глубине метра. Внешний ауропеленгатор — в кармане — должен был нас вывести на источник гнусных излучений.

Рассмотрели по дороге, какие тут островки. Искусственные, из какой-то органической смолы, раздувшейся благодаря химическому взаимодействию с водой. Они напоминали не то кувшинки, не то медузы, внизу даже имелась бахрома из щупалец и стебельков. Остров, на котором находился излучатель, был к тому же самым большим и крепким. Судя по всему, родился он много раньше других. Впрочем, он продолжал разрастаться и отпочковывать сыновне-дочерние островки. Естественно, я не мог прочувствовать их ауру своими рецепторами — меня надежно блокировали экраны-поглотители.

Вода в озере повсеместно дохлая, неживая была, а под тем островом-пупом даже на дне пустота стерильная.

На пару метров ниже уровня озера нашлось окончание большой трубы, причем дристала она по-крупному. Нам такой непарадный вход больше других подходил, хоть и был заделан решеткой. Помазали ее пиронезином, подожгли смазку, и через полминуты подводного горения железка искрошилась. Ворота открылись и пригласили гостей. Фановая труба весьма интересной вблизи оказалась. Сделали ее из какой-то квазиживой органики и получился вылитый портрет прямой кишки — мягкие стенки, сокращаясь, гнали жижу наружу.

Пробрались мы по горизонтальному участку трубы до люка,

вернее, периодически надувающегося и сдувающегося пузыря. Когда он дырку открыл, чтобы выплеснулась очередная порцию дряни, мы туда зашвырнули зонд, который нам разведал дорогу, потом сами рискнули. За пузырем труба поворачивала к небу, так что нам стали помогать вакуумные стеноходы.

Можно было предположить, что упремся в какой-нибудь венчающий это дело унитаз, но обошлось. Добрались до шпигата. Какие странные вещи в определенных обстоятельствах могут возбудить радость!

Шпигат был на болтах, которые Кактус просто бы отвертел, а мне пришлось опять помазать своей пастой. После успешного преодоления преграды мы с Кнопкой очутились, как это частенько бывает у героев романов — в мрачном подземелье, на бугорке. Впрочем, помещение только казалось подземельем.

Пленки-мембраны, батареи силовых устройств, отовсюду — из пола, стен, потолка, гибких труб — брызжут струи и даже гейзеры какого-то непонятного дерьма. Образуется жидкостная взвесь, которая под управлением некоего поля пульсирует, густеет и принимает объемные формы. Порой это напоминает бьющиеся на ветру паруса. Весь пол в жиже, которая, поднимаясь до уровня какого-нибудь люка, падает в выводную трубу. Я люблю свежий воздух и даже несвежий, но тут токсины так перли в лицо, что фильтратор едва успевал их осадить. В общем, это был цех, хотя и на большого любителя.

А потом по очень шаловливому прыгающему мостику мы пропутешествовали в другой цех — вслед за “парусами”, плывущими на конвейере. Тут они попадали под действие аппаратов более привычного вида — штамповочных, напайных и набивных, а также центрифуг. Экскурсия показала, что в последующих цехах все становится еще более прозаично — там были установки для склейки, окраски, подпайки. Дальше начинались склады готовой продукции, на которые транспортеры выбрасывали все: от ползающих ковров и прыгающих стульев до шагающих компьютеров и имитационных игрушек. Игрушечные звери — лающие, хрюкающие, какающие — мало чем отличались от натуральных, хоть посылай их на замену тем, кто томится в лесу и тянет срок в зоопарке. Получалась у местных умельцев даже жратва типа колбасы и печенья. В этом деле до совершенства не доходило, даже на мой неискушенный зуб, но эрзац раскусывался и проглатывался, вызывая ощущение сытости в нижней части организма.

На такие склады, по идее, должны были трудится десятки отраслей и заводов, а здесь все лепилось в одном отдельно взятом месте, несмотря на заведомую убыточность. Видимо, здесь

интересовались не прибыльностью, а удачностью подделки. Так соригинальничать дурачкам-землянам, конечно, кибероболочки пособили.

Остро хотелось найти пульты управления производством. По крайней мере мне, потому что Кнопка все время суетилась и куда-то торопила. Наконец, обнаружилась дверца с запрещающей надписью. Из той комнатки еще пару кабелей выбегало. Я подал на них сильное микроволновое излучение и просканировал задверное пространство — там была пультовая аппаратура, прощупывались и линии сигнализации.

Пришлось портить стену. Просто замечательно, что у меня в кармане завалялся электронно-позитронный резачок. Дыру проделал в пять минут. Затем я немного разочаровался: главный пульт в секретной комнатке отсутствовал. Стоял там и помигивал огоньками мультипрограммный аппарат, а труба подводила к нему исходную жижу. Но функционировал он довольно вдохновляющим образом.

На экране набираешь масштаб и вид необходимой тебе вещи, также количество экземпляров и материал, которому подражать надо. Давишь красную кнопку. Аппарат хрюкает, урчит и, наконец, в прозрачный футляр падает то, что заказывал. Например, золотые кольца, монеты, браслеты и так далее. Можно пощупать — это не дуриловка с помощью голографической пленки-экрана. Кстати, у нас на Космике золото ценится, за него старатели бабушку родную сдадут. Даже правительство покупает его по приличным ценам. Все равно получается дешевле, чем выдалбывать из железа на ускорителях. Аурум позарез требуется, потому что защищает от всякой назойливой телепатии и прочих внушений.

Я настропалил как следует аппарат и заработал горсть золотых царских рублей, К678 попросила себе браслет на ногу. Наверное, золотишко не совсем настоящее, но вид и вес! Но вполне положительный спектральный анализ! Как научились земляне из какого-то дерьма получать благородный металл? Что за реакция синтеза и какие элементарные частицы применяются в виде катализаторов? Ладно, это вопросы физикам-химикам… А что, если продавать помаленьку такой вот мираж где-нибудь на астероидах? У какого перекупщика под рукой электронный микроскоп найдется?

В воздухе запахло миллионом. Будут такие бабки, что можно от дальнейшей службы отмазаться и уйти в купцы первой гильдии — тут уж зад не надо выставлять на сжигающие лучи и высушивающие ветры. Снаряжаешь себе экспедиции за барахлом, дымишь трубочкой у камина — вокруг никого, не считая

входящих и выходящих бабенок… На стенах висят портреты голых активисток да натюрморты жратвы, а также поскрипывают да повизгивают скульптуры-мобили известных мастеров марсианской некрошколы, например “Труп, соблазняющий девушку”. Можно много добра понаделать, не только снабжать самые глухие уголки космоса презервативами, но и построить, допустим, лечебницу для ускоренного исцеления триппера или создать в марсианской пустыне сеть теплых сортиров.

— Ну чего ж ты, набивай штаны и пошли,— подначивает меня напарница,— меня не бойся, я уже свое взяла.

— Мне-то зачем бояться, я ведь не возьму,— почему именно так сказал, не сразу понял. Словно пружинка моей воли нагрелась, выскочила и прежнее суетное желание вытолкнула. Но от такого объяснения даже инкубатор смеяться будет. А потом я нашел разумные слова. Как тигр-людоед подходит для цирковой арены, так и я для купечества. Разорюсь, прокучу, испорчу какой-нибудь девушке юную жизнь, а честным делягам — бизнес. И самое главное, кто на этой тлетворной планете Грязь на что-нибудь позарился, кто купился, тот плохо кончил.

— Ладно, двигай, Кнопка, отсюда. Когда-нибудь со мной поделишься добром, чтоб не дрейфить.

И тут я почувствовал очень душное притяжение, это “золото” просто хватало меня за шею и тянуло к себе. Я так сопротивлялся — не люблю, когда мне навязываются — что снова вдруг воспряла моя защитная оболочка, получившаяся из множества густых вихрей. Впечатление такое, что они родились от грубых приставаний скверного металла. Плотные объятия стали разжиматься, откуда ни возьмись посыпались черные искры, труха, а когда пыль развеялась, то “золота” как не бывало — одни ржавые плевки. Вот те на, мораль сработала.

Рожа, наверное, у меня была еще та, когда проводились все эти мероприятия, однако для напарницы я сделал вид, что просто мучаюсь зубами.

Склады закончились мощной стеной, в которую врезано было несколько дверей, с толщиной, подходящей для ядерного взрыва. Однако ауропеленгатор показывал, что источник болванящих МДВ близко, а вернее над нами. И вдобавок подстерегала нас удача, на высоте пяти метров — отверстие вентиляционной шахты. Так что оставалось только дерзать.

— Кнопка, ты как любишь, когда мужчина лезет по канату ниже тебя или выше? — она стала объяснять, что в одном случае может пострадать голова мужчины, а в другом ее собственная, но потом осеклась, даже зарделась. И с ней Земля что-то делает.

Вакуумные присоски здесь действительно не годились, стена

была пупырчатой, но для такого случая в “аптечке” имелся стандартный арбалет-трособроситель. Уцепился я выстреленным крюком за дыру и через полминутки вписался прямо в вентиляционную шахту.

Выбрались наружу прямо на большом красивом куполе, затем, почавкивая вакуумными стеноходами, спустились к окну, еле заметному из-за поляризации. Зафиксировали стекло, чтобы дрожью не смущало сигнализацию и проделали резаком аккуратную дыру.

Вот мы уже в зале, пялимся, нюхаем, напрягаем рецепторы. А вокруг вроде обычный компьютерный центр. Но я, грозно проникнув в сущность мониторов, дисплеев, блоков памяти и процессоров, вынес свой суровый приговор. Здесь кибероболочки дергают за ниточки людей. Тех, кого не получилось достать с помощью “голубого киселя” и биоинтерфейсов.

Включил соцветие графических экранов — гордо показывают распространение психотронных волн по территории района. Мощности установки вполне хватит, чтобы несколько квадратных километров охватить. Можно персонально узнать, кто и как себя чувствует. Выбираем по картотеке нужного гражданина и смотрим, что имеется в каждом из его пятнадцати “домов” — основных зон, по которым распределяются эмоции.

Мы на Космике до сих пор не знаем, как взяться за психику, только и умеем, что ауру ловить. А здесь пожалуйста, играй на психике, как на фортепьяно. Внушай любовь, ненависть, угнетенность, радость. Усядься поудобнее, откинь трепетными пальцами волосы с бледного лба, воздень руки…

— Ты кажется освоился? — осведомилась Кнопка. — Ну, давай, вставь фитиль всему эту поселку из плавучего дерьма.

— Вставлять фитили принято на гонках по марсианской пустыне, чтобы потенциальный победитель своевременно исчез с дистанции.

Хотя искушение было, конечно, сильным. Задирижировать всем этим землянским сбродом, от которого одни неприятности. Пока люди спят, можно им такого в души, так сказать, накласть. И драпать после этого никуда не надо. Найди тронный стул и жди, когда местные демократы и аристократы, увлажнив глаза от волнения, принесут тоги с лавровыми венцами и попросятся обделать мои чертоги розовым мрамором.

Я, конечно, не только грезил, но заодно выуживал компьютерным сканером входные пароли системы из секретных ячеек.

— Ну-ка, внуши им всем, что они с сегодняшнего числа обязаны доится и нести яйца,— подначивала девица. Я

одобрительно кивая, работал с пультом управления. Запеленговал напарницу, провел психоскопию и включил излучатель по ее коду поглощения. И вины своей не почувствовал, Кнопка ведь сама этого хотела — правда, не для себя. И эта звериная натура плакала, как девочка, лишь потому, что генератор, бибикнув, насытил ее тоской. Наверное, по родной эскадрилье заскучала.

А потом я понял, что мне такие шутки совсем не нравятся. Не хочу я быть главным режиссером кукольного театра. Даром, что ли, я всю юность сгубил на битву с оболочками-плутонами, которые как раз собирались заняться кукловодством. И как я ни сторожи генератор, запросто пролезет какой-нибудь ловкач к управляющим модулям и превратит меня самого в заводного цыпленка.

Несмотря на внутреннюю победу над искушением, мне было сейчас тяжело. Психически тяжело. Казалось, что я второй раз в жизни теряю прекрасный шанс отличиться, выплыть как-нибудь. Я мог бы превратить эту посредственную, полупровальную операцию в ого-го-го! Да и физически нелегко…

От купола исходило тяжелое облако, которое быстро окутало меня и стало давить сок, погружая в дремоту-дурноту. Еще чуть-чуть и совсем бы погрузился, но успел представить, какие силы распирают Космику вширь и вглубь. Я как бы стал линзой, в которой они сфокусировались. Проявилось гудящее от напряжения защитное поле. Его силовые линии впитывали тяжелую тучу, а потом вдруг превратились в раскаленные шампуры. Которые проткнули меня, как заурядное мясо! По-моему, я выгнулся дугой и заорал. При этом, сгоряча пальнул вверх из бластера. Из продырявленного потолка, булькая, потекла вместе с вонью какая-то белесая, пузырчатая, я бы даже сказал, волосатая жижа.

Я мигом перестал страдать от болезненных ощущений. Вот где, оказывается, излучатель психотронных волн — в самом куполе, который вертится вокруг оси. Кошмарненький излучатель, биополимерный или даже квазиживой.

— Надо куда-то сматываться,— наконец, напомнил я Кнопке. Она из обалдения вернулась к нормальной жизни, когда уже сработали датчики, взвыла сирена, по акватории понеслись аквабордщики, а где-то внизу загорланили растревоженные люди. У нас же инструкция имеется, дурнее некуда: при угрозе захвата — оружие уничтожить, и выдавать себя за обычных хулиганов. Раз так, с десятка два художников может порисовать ботинками на наших лицах. Да, чтобы не стать натюрмортом, надо очень постараться.

Я поработал электрорецепторами и столбы, поддерживающие потолок, показались мне любопытными. Шах-шарах бластером — так и есть, полые внутри. Это же фановые трубы, по которым путешествуют выделения из купола. Швырнул в трубу зонд, тот и падал, и прыгал, и рикошетил. Потом доложил, что внизу какие-то пустоты.

В начале спуска мне казалось, что мы с Кнопкой попали в обычный канализационный стояк — потому что гадость текла нам на голову и за шиворот. Потом, однако же, труба стала ступеньками расходиться вширь и дресневый сток лишь слегка увлажнял стеночки. Все уяснилось, когда добрались до дна. Там была просто балластная цистерна, сейчас едва заполненная. Имелись и люки, за которыми, наверное, начиналось озеро. Но кромсать их было нечем, резак уже выработал ресурс и стал пенсионером. Бластер применять — это все равно, что царапать ногтем по стеклу.

Когда ситуация приблизилась к трагедии, одно обстоятельство все-таки размягчило меня. За переборкой скрежетнуло и раздался неслабый шум бьющей воды. Ага, за счет заполнения и продува балластных танков достигается нормальная осадка острова, чтобы он не бултыхался на поверхности озера, как надувной мяч. Наверное, сейчас нас хотят утопить, однако не знают, в какой точно цистерне мы засели. Дойдет очередь и до этой.

Нашли мы с Кнопкой местечко получше (на уступе), подсушили его сквизером и стали ждать хорошей погоды для купания. Было однако мокро и холодно, несмотря на усиленное добывание АТФ из быстро скудеющих жировых запасов. Как-то совершенно естественно мы с девушкой стали прижиматься и объединять наше тепло, мы оба нуждались в грелке. Что ж, грелка не унитаз — ничего в ней плохого. Однако, обозначился и дополнительный фактор. Я, между прочим, как телозритель, давно приметил, что солдатка Кнопка интересна не только упорством в борьбе и стойкостью характера, но и своим экстерьером. А теперь, кажется, и ее интерьер вполне симпатичен мне. Да вроде и она, на базе общих испытаний, взрастила ответное чувство. В общем, она меня не только обогревает, но и толкает потихоньку на кое-что. И глаза ее черносливные с зеркальным слоем отражают легонький ультрафиолет, сочащийся из лампочки у меня над карманом, и дыхание такое нейтральное на фоне окружающей вони и упругий бюст на фоне всеобщей твердости — все нравится мне сейчас.

И я, между прочим, не какой-нибудь Финогенов в расхристанных портках, а настоящий кшатрий, пускай не

утяжеленный мозгами, но боевая личность, способная продолбить лбом любую стенку. Обстановочка, кстати, располагает. Здесь вам не нужен стыковочный скафандр, как в вакууме, и не требуется постоянный отстрел песчаных спрутов, подбирающихся к заднице, как в марсианских пустынях. Среда совсем неагрессивная. Я поворачиваюсь к Кнопке получше, для пущего удобства кладу руку на округлое ее бедро и чувствую необычайную легкость.

— Ты там случайно на крючок бластера не нажмешь? — решаю все-таки уточнить.

— Вблизи я действую самостоятельно, без помощи оружия,— предрекает она непротивление. Вроде все в порядке, можно дожать знаменитую Кнопку, которая превратила в зубной порошок десяток добытчиков на копях Шеба только потому, что они ей делали неприличные предложения. Однако, когда моя рука уже гуляла по ее приятному животику, я вдруг засомневался — пружинка тайная меня затрясла. Крюк — проверенный герой, с которым она была не хамоватой как со всеми, а нежной и ласковой — и вдруг он отставлен. Отчего, зачем? Я ведь еще особенно не отличился перед ней. Не хватало мне с Крюком иметь неприятности из-за бабенки. Которая, кстати, бортанет и меня, если не сегодня, так завтра. Вдобавок статистикой установлено: те кшатрии, что навещают девушек перед ответственным заданием, возвращаются с него целыми и теплыми на тридцать процентов реже, чем более стойкие товарищи. А с чего, кстати, я почувствовал такую легкость? Тяжести и легкости в этих краях связаны с последующими неприятностями. Может, разогрелся уже где-нибудь резервный излучатель? В итоге, руку я свою поскорее убрал и отодвинулся.

— Ты чего? — грубым голосом спросила солдатка.

— А ничего. Лучше как-нибудь в другой раз поваляемся на приличном диване, не свиньи же. Нам, наверное, после экспедиции отпуск дадут недельный. Представляешь, номер в отеле на Фобосе с видом на Марс — и бокал с шампанским у тебя на пупке. В приличном отеле, а не в курятнике, где стоит только уединиться с дамой, как некто начинает царапаться в дверь и выкрикивать: “Эй, вы что там, заболели?”. Глядишь, сообразим, как детеныша нарисовать.

Она в ответ скрипнула зубами и налилась мраком. А потом от бабенки вдруг прыгнула на меня тяжелая волна. Я расстелился на железе, бессильный, как мочалка. Лучше бы на меня напал марсианский червяк-констриктор, его хоть видно. Надолго я запомню такой исход любовных усилий — если, конечно, будет чем помнить. И все-таки я почувствовал Космику. Я будто вошел в резонанс с далекими, но мощными вибрациями, которые

возбудили мое оборонительное поле. Оно вобрало нагрузки, а потом резко вспенилось и погнало мучительную волну прочь. Едва избавился от наваждения, как натужно заскрежетали люки и в цистерну рванулось озеро. Нас забросали, запинали струи, надо было срочно нырять, придавая себе ускорение выбросами сквизеров.

Под люком была дыра, в которую едва-едва продевалась голова. Нас когда-то учили продираться сквозь узости, но это было давно. А люк вот-вот должен поехать назад и разрезать на две половинки любого протискивающегося. Я съежился с помощью судорожного выдоха и проскочил, едва не потеряв дыхательную маску. Плыву, в нос поддувает все более хило, а до берега еще пятнадцать минут. Из воды пришлось выжигать пузырьки кислорода! Наверное, на эти испытания килограмм последнего заветного жирка спустил. В общем, на берег я выбрался в полной прострации, хорошо, что там не бегали какие-нибудь киберсобаки. А Кнопка довольно свеженькой осталась, даже противно.

Чуть отдышался, стал искать пневмопрыг, запрятанный в кусты. Ищу безрезультатно и по ходу дела соображаю, что Крюк слишком долго отсутствует, не встречает с цветами-незабудками свою маленькую Кнопочку. Неужто повязали? Но когда я у своей напарницы поинтересовался: “Где же нынче твой дружок, во вражеском плену подвергается насилиям или спит под кустом да курей видит?”, послышался суровый голос. Голос принадлежал Крюку, был обращен ко мне и не предвещал ничего хорошего.

— Отдай все свои манатки женщине и сделай два шага назад.

После таких неприятных слов прищуренный глазок бластера выглядел хорошим стимулом к исполнению команды. “Как же так, не заметил, что этот гундосый прячется поблизости”,— думал я и делал, что приказано. Ни теплозрение, ни электрочутье не помогли мне. Только вот сейчас, сняв поглотитель-отражатель, я ощутил ауру Крюка — гнусную ауру болезнетворного микроба. Я, увы, должны был расписаться в том, что не знаю, кого из себя представляет этот тип. По крайней мере, он мне не приятель и не соратник. Видимо, и Кнопка не та уже, раз он ей доверяет. Полный порядок с резервным излучателем, всех моих товарищей заколдовал.

— Ты что, старенький? — я пробую прощупать зыбкую почву и слегка заняться психотерапией,— головушку где-то подставил под падающий груз? Бо-бо теперь, да? Таблеточку слопай лучше, и на носилки. Я же такой кшатрий, как и ты, в том же звании. А ты от меня чего-то все требуешь, и даже “пожалуйста”, волшебное слово, забываешь.

— Помолчи, дружок, если хочешь сохранить свои мозги в приличном виде,— сообщил мне Крюк, как персонаж какого-нибудь спейсерна-вестерна.

Когда я приказ исполнил в точности и тупо смотрел на ствол, уже не в состоянии от перенапряга подобрать хоть парочку полезных слов, черный глаз бластера на мгновение стал маленьким солнышком. Тут я осознал неприятное изменение — раскаленный коготь заворочался в моей ноге. Значит, был выстрел — как пемза всплывало в моей голове,— однако щадящий. Чтоб не убить, а наказать.

— Извини, случайно попал в твой ботинок,— донеслась будто из-за тучи глумливая фраза.

— Разве так поступают с товарищами? — выдавил я из себя укоризненный шепот. — Товарища вначале надо сделать трупом, а уж потом издеваться над ним.

Боль немного унялась, но тяжесть наползала на меня — вначале нога стала чугунной, потом все тело, которому пришлось рухнуть. Массивная удушливая жара протащилась по нему, покрывая потом и испариной, заволакивая пейзаж перед глазами какой-то белью.

— Один за все и за всех ответишь. — Голос принадлежал не Крюку и даже не Кнопке. Я повращал глазами и пелена немного спала.

Они стояли полукругом вокруг меня. Кнопка, Крюк и наши мертвецы: Кактус, Тумблер и Курок, даже Фикса, которую вроде ухлопали всерьез и с гарантией. С совершенно нечеловеческими аурами, которые они сейчас совершенно не маскировали. Вот те на, сразу после гробового входа — гробовой выход. Жертв, как говорится, нет — если не считать меня. Все живы-здоровы, никто не захотел идти в покойники, все превратились в орудия борьбы против моей личности. Валяли ваньку, разыгрывали Шекспировскую пьесу и морочили мою жалкую голову. Теперь эти куклы вернутся вместо меня на Космику и натворят там нерасхлебное.

— Ну что, охренели и довольны, да? — пытался я их задеть, хотя голос мой, возможно, был слышен только мне. — Всех вас обработали, потому что вы амебки, которые ползут туда, где им положат кусочек вкусного кала. Хемотаксисом вы разжились, а все остальное потеряли.

Они не стали врать и спорить, только Фикса отчего-то улыбнулась.

— Будьте уверены, что вы расплатитесь своими грязными, подлыми ногами за мой продырявленный башмак,— предупредил я в полубреду. — Об этом побеспокоится Немезида, а также

эринии, фурии и мегеры.

— Давай, такое мелкое недоразумение оставим между нами, — схохмил Кактус и утешил напоследок. — Лечись мочой, я думаю, тебе она поможет. Еще Гиппократ говорил: “Полезное — всегда невкусно”.

А потом они пошли странными траекториями расходящегося веера к забору.

— Погодите, не уходите,— вначале растерялся я, а потом собрался. — Нет, уходите, но только быстро и куда-нибудь в болото… Чтоб тебя, Крюк, поймали и отправили в экспериментальный полет к звездам, проверять теорию относительности. Чтоб от тебя только одни яйца обратно вернулись… Чтоб ты, Кактус, накололся срамным местом на марсианского ежа…

4

Раз, и чужаки уже были там, за оградой, на пути к дому, моему дому. Мне сразу показалось, что все увиденное и услышанное — полноценный бред. Что я был ранен на острове, а все соратники действительно пали смертью храбрых. Хорошо, если бы так. Но это не так. Стреляли из бластера, грязнули этой машинкой воспользоваться не могли, только свои. Ведь на спусковой крючок в состоянии нажать лишь палец со знакомым рисунком кожи, в противном случае последует электрошок… Эх, разлетелись все мои вихри, не скликать их вместе.

Вместо оборонительного смерча, к которому я уже начал привыкать, появилось вокруг меня нечто другое. ОНО пришло со стороны озера и прилепилось ко мне, как заяц к дедушке Мазаю. Некая туча, вернее силовая среда. Голова раскрылась как раковина и мозг испарился в эту среду. Мои небогатые мысли неожиданно насытились силой.

А затем опустились в озеро. Вода словно состояла из множества пульсирующих ниточек. В них вибрировала энергия, вибрации были и мощными, и слабыми, где частыми, где редкими.

Я погрузил в озеро свою покалеченную ногу. Вода оказалось густой, немного слизистой, что в данном случае не вызвало протеста и осуждения. Я чувствовал животную ауру, только на сей раз совершенно дружественную, как бы материнскую. Симпатизирующая, иного слова не подберешь, вода, вначале растворила огонь в моей болячке, потом вымыла испорченное мясо. Тяжесть сползла с моей конечности, злобно оглядываясь из-под нависшего лба.

Я вижу неожиданно крупным планом, как нити, из которых состоит живая вода, принимаются штопать рану. Нога для удобства становится похожей на носок, что натянут на стакан. Нити сплетаются и ложатся слой за слоем на мое ранение. Штопанье заканчивается, вынимайте-получите, распишетесь потом.

Виденья виденьями, но на месте дырки оказалась вполне кондиционную новая плоть, от которой по ноге распространялись приятные ощущения. Правда “штопка” все-таки выделялась и цветом, и структурой, однако мне в соляриях еще долго не красоваться, поэтому будем считать, что пришлась она ко дворцу. Я поднялся, пошагал, попрыгал — мне все понравилось, под носом проснулась улыбка. Хоть показывай меня в передаче “Смех после жизни”.

А теперь “адью”, пора прощаться с райским уголком, церемония расставания и так затянулась. Пускай оружие у меня забрали, однако ничто не мешает выследить бывших товарищей. Им же надо где-то перекантоваться днем, чтобы ночью вызвать спускаемый модуль. За это время они, безусловно, дождутся от меня подлянки, злости-то я много поднакопил.

Разбег, толчок на здоровую ногу, нормальное приземление — вот уже я по ту сторону забора, надеюсь, и по ту сторону зла. Двадцать торопливых шагов в лес, и я понимаю, что опять осечка, озеро не отпускает меня. Я на аркане. Ниточки из штопки вытягиваются и рукоделие мое распускается. Быстро приползает зубастым червяком боль. И тяжесть тут как тут, похожа на свинью, которая катается по моей ноге. Космике бы направить на меня свой благосклонный взор, так нет же, и пружинка воли будто выскочила из меня. С эдакими делами я далеко не пойду, даже не поползу. Какой смысл ползти, если экс-товарищи рано или поздно устроят финиш. Поставят на тебя свои сапоги и раздавят как гада подколодного. И я сделал единственное, логически вытекающее из обстановки — вернулся за забор. Пневмопрыг был с заботою оставлен с внешней стороны ограды — ОНИ, стервяки, загодя знали весь сценарий.

За забором все пошло обратным ходом, как в пущенном вспять мультике — восстановилась в прежнем качестве моя штопка. Неизбежным образом, как я ни противился, поднялось настроение. Так, может, озеро, в каком-то смысле, не только зло? Оно держит интересного ему человека при себе, не отпускает, зато подлатать может, если тот прохудился и пустил сок.

Мокрая одежка упорно забирала остатки тепла. Видимо, жировых запасов вовсе не осталось, не добывалось АТФ на безжирье. Прямой электроразогрев без нормальной котлеты в брюхе тем более исключался.

Впрочем, я продолжал наблюдать кое-что крупным планом. Воздух тоже состоял из пульсирующих нитей и напоминал бороду Ветра Ветровича из детской книжки. Мысли о теплой одежде, проникнув в атмосферу, снова занялись ткачеством. Причем надо было соблюдать сложную последовательность разного рода вибраций, чтобы они не отталкивали друг друга, не сплетались в тесный комок, а лишь деликатно притягивались.

Соединившиеся нити охотно прянули мягкой волной и облепили меня со всех сторон чем-то прозрачным, но более приятным, чем даже тончайшая ангорская шерсть. Получился вдохновляющий теплый буфер между мной и надоедливым холодом, испускающий все ту же дружественную ауру заботливой самки. Мне почему-то представилась муха, укутываемая

заботливым ухажером пауком. Но тут новая напасть: организм разморило от тепла и тогда обозначилась голодная дыра желудка, которая стала выдвигать одно требование за другим, то слабым, то грубым пением.

И тогда моя мысль заслужила звание “немеркнущей”, потому что нашла еще один приемчик — отобрала самые тонкие, мягко вибрирующие нити, сбила их и предложила попробовать на вкус.

На вкус оказалось что-то вроде крайне разреженной сахарной ваты — но голод и аппетит быстро удовлетворились и пропали. Харч мгновенно впитался в сосуды и капилляры, не дойдя даже до кишок. Что уж тут “константировать”.

Нити, конечно, не мои, но они вполне помогают умственному развитию и обслуживает потребности моего организма в конкретном районе Земли — в принципе, это стоит только поприветствовать. Подчиняются они и все тут. Может, ни на что другое не способны. Пусть только профессор какой-нибудь возмутиться чародеянием и ненаучностью происходящего. Я его мигом успокою. Дескать, милый мой, электричество мы тоже считали чужой непонятной силой, а потом приручили и онаучили ее. Теперь вообще оказалось, что она нам родная и мы напичканы ей, мы чуть ли не состоим из нее, как колобок из теста. Короче, протестовать против подчинения мне озерных нитей я не стану и чужих протестов не приму.

Мои мысли продолжали заниматься прядением, искусно подбирая нити и сплетая их в веревки, а веревки в канаты. Мне показалось, что образующийся ковер может удержать мое изрядно заморенное тело и я, не заколебавшись, сделал шаг вверх.

Нога угнездилась в воздухе! Еще несколько приставных шагов — и все-таки я соскользнул вниз. Соскользнул, а не рухнул носом в землю. Еще поработал над прочностью ковра и своей балансировкой, и вот я уже двумя ногами на чем-то зыбком, но прочном, руками отмахиваю, как клоун на канате.

Десяток раз свалился, а потом попер по лунной дорожке. Теперь я был свой в воздушной стихии, ровня птицам и пчелам. Черновая работа уже вытекала из заднего подсознания, а передним сознанием можно было класть лишь крупные мазки.

Мысли образовали что-то похожее на сельскохозяйственные угодья. (Не наши космические-гидропонические, а земные.) В прозрачную почву просыпались невидимые семена. И вот стали подниматься навстречу звездному небу прозрачные растения, на вид почти что живой хрусталь.

Моя флора походит на здоровенные звезды-радиолярии. Они вырабатывают из ветра, дождя и лучей светлый питательный сок. Несколько фотонов, атомов кислорода, молекул воды, и организм

живет не тужит, потому что легким его телесам много не надо. Слабенький электролиз водяного пара наполняет полости звезд водородом, что утягивает их на самые верхние небесные полянки, которые выглядят снизу просто облачками.

Дальше уже пошли тезисы. Моих радиолярий будет столько видов и пород, что заселят они весь воздух, сделаются пригодны для супа и компота, мы станем летать на них, доить и даже жить в их экзоскелетах — как бы жутко это ни звучало.

Вот где — в воздушной стихии — буду обитать я, как эльф, с кружечкой эля из перебродившего радиолярного сока в руке. Да что там эля — отличного самогона (дрожжи как-нибудь достанем). Заживу здесь, при звездах, а не в заколдованной деревеньке, не на говнистых островах — если, конечно, меня забудет родное правительство или назначит сюда резидентом. Наберу население из эльфов вроде меня, организую выборы себя в цари. Из экзоскелетов понастроим замков воздушных. Где-то наверху станет радоваться жизни феодал, а чуть пониже бабы с мужиками будут возделывать звездно-радиолярные поля. Крестьяне, конечно, крепостные — никуда они от нас дернуть не захотят. И никакой несправедливости — совьешь себе тропку наверх и выбьешься в начальники. Кому жратва из радиолярий надоест, станет по-паучьи ловить в свои тенета следующие мимо стаи птиц, косяки рыб, стада скотов, самолеты. Я же, чиркая ногтями по щипковому инструменту, пропою о воздушной жизни, с пуантами на носках протанцую ее. “Хорошо пишется в деревне, — говаривал писатель Тургенев, но добавлял,— в моей личной”.

Стоп. В какой-то дали дрогнули очень мощные струны, а внутри меня откликнулись потайные пружинки; руки-ноги так затряслись, что я их еле унял.

Сразу прекратилось порхание. Жить в воздушной стихии видишь ли захотелось. Да там все прозрачное! Даже в уборную нормально не сходить. А рев моторов, а лязг гусениц и запах перегретого двигателя, а пробиваемый космическими раздолбаями вакуум? Как без этого всего вписаться в божественный ветер и выполнить сверхценную миссию пилота? Да и вообще, долго ли я протяну, будучи такой отличной мишенью. Чтоб ухлопать меня, не надо даже ракеты расходовать, достаточно дробовика.

И кроме того, как появились нечаянно воздушные нити, так и истают. Поведешь себя не по правилам, и даже взмахнуть крылами не успеешь — сразу башкой в пол. Вот человечество в лице своих лучших представителей сколько пудов говна съело, чтобы добраться до электрической силы. Зато уж как добралось, как схватило — не отнимешь. Абсолютная надежность.

Я ощутил присутствие империи, почувствовал ее глубокие пульсы. Мысли втянулись обратно в голову, Космика руками-протуберанцами коснулась моей защитной оболочки — и завертелся мой индивидуальный смерч. Он кинулся на воздушную полянку и моментально разнес в клочья: крушить — не строить. Я, как замечтавшийся циркач, кувыркнулся вниз, положив конец номеру. Хорошо хоть на мелководье оказался, раздва саженками, и я уже на бережке. Все, на сегодня решил больше не играть: карты крапленые, партнер — шулер. Прощай, озеро. Надеюсь, свидимся при более благоприятных для меня обстоятельствах.

Не было тех проклятий врагам, которых я случайно не вспомнил, когда, преодолев забор, тащился по колющемуся беспорядочному лесу. Особенно запомнилось такое: “Чтоб вас больше никогда не пустили в сортир и кормили только старым горохом”. Тряпка на ноге набухла от крови, голова опухла от боли. Тяжелый ветер гулял во мне, как в стакане. Добраться до какой-нибудь дороги или сгинуть в лесу — не было других граней на костяшках, бросаемых судьбой. Причем “сгинуть” казалось более подходящим для меня вариантом, потому что немного погодя совсем перестал соображать, где я уже шлялся и где нет. Анима, правда, сообщала безучастно мой курс и исчисляла пройденный путь, но от этого легче не становилось — я ее тоже возненавидел. Приходилось биться только за то, чтоб не вернуться обратно к озеру. Но все равно заворачивал назад. Может, был в этом элемент наваждения — ведь столько раз брал я ориентир на какого-нибудь лесного великана, а потом испарялся он куда-то. Болото оказалось у меня вначале слева, спустя какое-то время справа и, наконец, спереди! Я так для себя решил: лучше стать симпатичным лесным скелетом, у которого из глаз тянется брусника, а изо рта приветствует земляника, чем в очередной раз бороться с невыносимыми искушениями.

И вот почва, захлюпав, принялась тормозить до полной остановки мои еле движущиеся колени, запас грозных выражений начал истощаться, умные мысли навсегда распрощались с неуютной для них головой, АТФка уже не вылезала из митохондрий, гормоны затаились в эндокринной системе. В соответствии с потоком несчастий я стал загибаться и пропадать. И когда уже редкий березняк зашумел надо мной отходной молитвой, к этому бормотанию вдруг присоединился знакомый мне звук — один к одному журчание воды, текущей в унитазе. Так поет только двигатель спускаемого модуля. Тут у меня для начала умеренное горе — никак четверка злыдней рыщет по следу, чтоб не перепоручать природе уничтожение моих потрохов,

а развлечься самой. Потом слабенько замерцало во тьме — вдруг К250, Бурелом, не скурвился, как остальные, и пытается меня выковырять из этой параши?

И вот надо мной задрожал воздух, потом появилось расплывчатое пятно. Вскоре маскировка была снята и я увидел модуль, похожий на палку колбасы. Наконец люк типа “глаз” раскрылся и… показалась проклятая физиономия Крюка. Нашли-таки. А как сопротивляться? Испортить воздух в упор? Несолидно для кшатрия.

— Что-то не слышу приветственных речений,— сказал он и получил в предательскую харю порцию грязи.

Харя сразу же скрылась, я только успел услышать: “Разве так шутят? Нет, он теперь псих… разложение мозга…” Тут же модуль протянул свою знаменитую руку с тридцатью пальцами и, как я ни закапывался в грязь и ни прятался под корни, выудил меня за ногу. Достал, будто марсианского жука. Через полминуты я уже валялся в кабине, закованный в кандалы, принайтованный к переборке, прикрытый прозрачным футляром. Клетка из неявной стала явной, роль диковинного гада за мной сохранилась. Ну, сейчас мучить будут — ведь и сам я жукам из чистого баловства крылышки отрывал, не задумываясь об их личностях. Представься возможность — обязательно бы извинился перед ними.

Крюк и Кнопка были тут рядышком и о чем-то шептались, поглядывая на меня. Кресло пилота повернулось, и я увидел К250. Кто он сейчас, уже кукла или еще свой парень Бурелом?

— Ну что, допутешествовался, Штеккер? Зверствовать будешь или поговорим нормально?

— Чувствую, захомутали и тебя. Век свободы не видать, если вру,— всплыли откуда-то слова раннего Финогенова.

— Может психоадаптационных таблеток пережрал, вот и принимает нас за каких-нибудь инопланетных монстров? — посоветовался Бурелом с Крюком.

— Не знаю, пережрал он или перепил, но кажется мы его надолго потеряли,— отозвался негодяй-перевертыш.

— А может и навсегда,— как бы в шутку добавила Кнопка.

— Терять решили… да грохните вы меня по-человечески. Не по ботинкам влупите, зануды, а в башку.

Тут Бурелом сделал вид, что заметил мою искалеченную ногу, скомандовал кибердоктору, который сунул ее в заживитель и стал пускать в меня всякие инъекции. Так у злодеев тоже принято: залечить, а потом изничтожить по всем правилам. Ну, а вдруг Бурелом не совсем плохой? Аура у него вполне наша. Впрочем у остальных тоже, но это дело оборотни умеют выправлять.

— Бурелом, а Бурелом. Вдруг ты еще нормальный. Тогда бей своих товарищей в упор, чтоб не встали. Оглуши их хотя бы. Вон как затылками удачно подставились. Сегодня в полночь я им доверился, и вот что из этого вышло. Крюк сам в меня палил, никому не перепоручил.

— Может у него из-за раны заодно и воображение воспалилось? — всполошился разоблаченный Крюк.

— Не ерзай,— предупредил я его,— сейчас К250 с тобой разберется. Не он, так я. Когда нога заживет, уложу тебя одним ударом и во время церемонии прощания спущу в сортир, украшенный розами.

— А я тебя двумя ухайдакаю, но сейчас,— огрызнулся неумытый перевертыш с мордой, все еще заляпанной моей грязью.

— Ну и что докажешь этим? Что ты предатель и жлоб?

— Слушай, обалдуй,— заявила мне Кнопка тоном медсестры из лечебницы для слабых мозгами,— вчера вечером мы были на орбите. В пол одиннадцатого получили сигнал спешного вызова, а с полуночи искали тебя и всю первую группу в квадрате 9. Однако там ни одного нейтринного маяка, едва твой нащупали, только уже в квадрате 12.

— Чудаков тут нет, которым можно такие романы травить,— парировал я.

— Особенно про этот вызов. Кто звал-то? — И не обращая больше внимания на явных врагов стал рассказывать Бурелому свою горькую повесть, может даже лебединую песню выводил. И еще, время от времени, просил его взять на мушку остальных присутствующих.

Дослушав, все стали спорить меж собой, на почве чего у меня развился психоз, сколько процентов из того, что я живописал, было чистой галлюцинацией, и могли ли действительно взять основную группу под контроль какими-то психотронными средствами. Я же предлагал злодеям не придуриваться, и если они меня не собираются убивать и мучить прямо сейчас, то лучше бы дали пожрать. За это их меньше проклинать буду. Питатели мне в пасть вложили, чтоб отстал — я бросился на жратву, как тот самый зверек. Ну а, в основном, они старались не обращать на меня внимания. Хотя и посоветовали умерить потребности, иначе, дескать, перестану целиком помещаться в скафандре.

Когда в животе накопилось достаточно жизненных благ и АТФка вновь заструилась по моим жилам, я попытался привлечь внимание, но с полным ртом не получалось. Тогда поскорее прожевал, набрал воздуха побольше и заорал так, чтоб все замолчали.

— Стоп! Я хочу развлечься чем-нибудь ментальным — у меня пока вес мозга прежний. Давайте поиграем в научную дискуссию вчетвером. Может, это меня порадует перед процедурой казни. Только условия таковы: вы изначально не считаетесь куклами, а я — психом. Все буду доказывать и выводить, как на защите диссера.

Продолжил, не дожидаясь их согласия, так сказать, с “чистого листа”. Готовых мыслей в голове, естественно, не было, и я просто, слегка отфильтровывая, сливал из своего умственного бачка.

— Начнем с того, что Анима припасает важные аудио-данные, то есть, записывает любой разговор в радиусе тридцати метров, относящийся ко времени чрезвычайного происшествия. Каковым безусловно является подлый выстрел в мою ногу.

Бурелом немедленно поднес считыватель к моему лбу, и по кабине разнесся зловещий голос Крюка, бережно сохраненный Анимой с той поры, как он меня покалечил, послышалось и характерное сморкание сквизера.

— Ну, как теперь будем выворачиваться? Бурелом, если ты еще не с ними, то переходи на мою сторону и будь готов к любым фокусам. А ты, Крюк-изменник, не закусывай губу, раз тебя приперли. Ты лучше расслабься, тебе светит смертная казнь через аннигиляцию. Кстати, это не самый худший вариант.

На лице Бурелома читалась искренняя растерянность:

— Погоди ты, Штеккер, со своей аннигиляцией.

А разоблаченный Крюк стал корчить из себя ученого.

— Штеккер столкнулся с непонятными ему вещами и, будучи человеком малообразованным, средних умственных способностей, дал совершенно поверхностные объяснения. Я его не виню, ему же надо было как-то спасать свою слабую психику. Вот он и придумал могучие психотронные излучатели, а также инфекцию, влияющую на все мозги, кроме его собственных. Однако, нашему скромному герою так и не удалось спасти свою психику. Погрузившись в шизопатическое состояние, он якобы встретился с людьми из резервной группы, то есть с нами, видел воскресших покойников и так далее… Ну, по большому счету: кому на Земле нужна психотронная установка?

— Мне! Навел бы ее и заставил бы вас плясать, как пьяных тараканов,— пытался вклиниться я, но Крюк продолжал радоваться своим словам.

— Никакие псих-лучи не принудят человека ползти по отвесной стене. И самое главное, кибероболочки способны управлять населением и без психотроники, им достаточно биоинтерфейсов. Выйти из-под контроля может разве что убогая

деревня с несжатой полосой. Замкнутые спивающиеся группы населения, вроде вырожденцев-омменовцев, вообще не должны быть интересны оболочкам.

Крюк затих, как бы задумавшись.

— Ну, говори, если что-то сочинил,— не сдержался на этот раз Бурелом.

— В большинстве случаев Штеккер становится свидетелем того, что какой-нибудь гражданин исчезает, поглощается, растворяется, но затем появляется вновь. И начинает вести себя совершенно иначе, чем раньше. Похоже, вся хохма в том, что эта персона пропадает безвозвратно, то есть погибает, а на ее месте появляется совсем другое существо! Которое мы звучно назовем КОНВЕРТАНТОМ. Наш конвертант заимствует у ликвидируемой личности некоторые свойства, черты характера, наверное, часть памяти. Но задачу и сверхзадачу выполняет уже другую. Ну, на что это похоже?

— На тебя, паршивец,— огрызнулся я.

— На биоробота-мимикроида! — воскликнул Бурелом, радостно, как детсадовец, угадавший загадку. Простоват он все-таки.

— И почему бы в такого мимикроида не вмонтировать еще гравитатор? — вдохновился своим “открытием” Крюк.

— Ну, зачем, голова ты садовая, роботу иметь супердорогой гравитатор? Чтоб заставить меня ползать по стенке? — попробовал осадить я лжеученого.

— Давай, без “зачем”. Конечно же, твои ползанья по стене говна не стоят,— пренебрежительно высказался Крюк.

— Стоят, стоят. Трех тонн, как минимум — столько сил потрачено.

Крюк аккуратно проверил мою Аниму, уж нагрузки на мой организм она не забыла зафиксировать.

— Сила гравитационного типа была направлена под углом к вектору земного тяготения. Она как бы выдергивала вещество твоего тела из ячеек нормального гравиполя. Пока ты ей не сопротивлялся, чувствовал легкость, если рыпался, то получал тяжесть.

— Сам ты конвертант. И вообще надо добавлять слова “мне так кажется”. Ведь не очень-то клеится твоя теорийка. Я что-то не видел, чтобы ты или Кнопка — век бы вас не знать — где-нибудь поглощались или растворялись.

— Ты, Штеккер, прямолинеен, если не сказать большего. Я корешился с Тумблером, а Кнопка с Фиксой служили вместе и ночевали в одном кубрике. Следовательно, сведения о нас были выужены из Тумблера и Фиксы. А после полуночи, когда мы

приземлились, нас могли просто отсканировать. По крайней мере, было у нас на пару минут помутнение в мозгах — тогда нам показалось, что это результат жесткой посадки.

— Крюк, а ты не пробовал ночевать в одном кубрике с Фиксой? — задрался я.

— Лучше засни, Штеккер,— озлилась Кнопка. — По-моему, на твою башку даже психический луч расходовать жалко.

— Поправка принята. Можно вопрос?

— Здесь вопросы задаем мы. Мне надоело слушать глупости, — отшила она.

А что, если прислушаться к лжеученому? В самом деле, при первом свидании не очень-то я разглядывал Крюка и Кнопку. Может, действительно, длина носа не очень совпадала или там размер задницы. Не проверял я, имеются ли у них Анимы и нейтринные маяки. Кстати, я был едва знаком с Крюком и Кнопкой; так, все понаслышке. И сюда летели в разных отсеках. Вот сейчас я вижу, что Крюк, несмотря на кличку, вполне разумный товарищ — выучил список мудрых фраз. А тот, предыдущий, двух слов связать не мог.

— Да, по Крюку есть несовпадения. С Кнопкой сложнее. Та, конвертантка, вела себя развязно и вообще была не прочь пошалить. А как на самом деле у тебя с этим, милая?

— Я тебе сейчас выдерну вторую ногу,— зарычала К678.

По-моему, непритворно. Все ясно, это Диана Охотница, готовая истребить любого, кто заметит у нее голую ляжку.

— Целую, я несколько успокоен. У конвертантки были получше манеры, чем у тебя, а еще говорят: копия, копия. Но в любом случае ты должна оголиться и показать какую-нибудь отличительную черту, чтоб я был уверен в тебе.

Тут она несколько запуталась, валькирьевская честь боролась в ней с чувством долга. Рука несколько раз бралась за крючок молнии на комбинезоне и снова падала.

— Ладно уж, будем считать, что конвертантка обнажилась бы при первом удобном случае,— решил я прийти на помощь воительнице, авось мне благородство зачтется.

Остальные мужики разочарованно отвернулись, и Крюк, тщательно облизав губы, продолжил свою тронную речь.

— Вот что мне показалось наиболее любопытным. На бедного Штеккера то и дело накатывали ауральные волны, характерные для простейших живых организмов. Это лучшее доказательство того, что общался он с биороботами, в которых текут лишь примитивные психические процессы.

— Вот такие закидоны мне уже меньше нравятся, Крюк. Ты как с кафедры выступаешь. Забыл только пальцы за фалды

заложить. Может, с ходу растолкуешь, зачем на острове-пупе имеется фабричка по изготовлению ВСЕГО из ОДНОГО и того же материала? И какого рожна этим конвертантам надо еще СОБЛАЗНЯТЬ добычу, вместо того, чтоб сразу шарахнуть ей по рогам своей гравитационной силищей? Да и почему спущенные с конвейера мимикроиды так скромничают первые несколько часов? Совсем ведь дохленькие поначалу, как жуки, наевшиеся буры. Неувязочки, да? Концы с концами не сходятся?

— Может что-то предложить желаешь? — недовольно забухтел “разбомбленный” оппонент. — Или опять рубаху на груди будешь рвать?

— Хватит бодягу разводить, вот что. Шизопатию, которую вы мне клеили, все равно не забуду, но спасибо, что хоть дауном не прозвали. Дарю идею, как прощупать теорию практикой. Нам нужен пленный.

5

Подловить конвертанта из наших удалось только к вечеру. Это даже лучше, что сразу не удалось, моя нога покамест в сверхпроводящем целебном валенке регенерировала и резкие движения ей могли повредить. Да еще сифонными капельницами втюхивались в кровь разные полезности и вкусности.

Кактус, вернее К015к (буковка “к” означает — “конвертант”) нашелся на опушке леса, за деревней. Наверное, какое-то местное начальство привлекло его к патрульно-постовой службе. Когда рядом вынырнул модуль, то удивления он не показал, из чего стало ясно, что нервов у него нет. Наплел, что ведет наблюдение за психотронным излучением. Однако отправился вместе с нами на облет озера и деревни, не мог же он, оставаясь в рамках приличий, отказать майору.

Первая запланированная хитрость заключалась в том, что я (как главный свидетель обвинения) был упрятан в медицинский гроб-отсек и всячески заэкранирован до самого ответственного момента. Вторая — что мы сразу рванули в сторону от озера.

До десятого километра К015к вел себя натурально. Даже песни исполнял

— точь-в-точь как настоящий Кактус — без надлежащего голоса, инструментов и слуха. Впрочем, довольно назойливо интересовался, чего это мы уклоняемся от намеченных полетных заданий. В качестве отрицательного примера привел историю. Как на Марсе он собрался с одной милой девушкой прокатится на пескогребе от Рыньгорода до Мерритауна, а по дороге оказалось, что она жуткий гибрид с пиявочными генами, которому раз в неделю нужна позарез банка теплой крови.

Тут одна неувязочка. Это приключилось со мной, а не с ним — я ему просто рассказывал. Видимо, после роботизации-конвертации у него местоимения “я” и “он” что-то перевернулись. Но, действительно, если бы девушку Марсину не цапнул за задницу сухопутный спрут, лежать бы мне с песочком на зубах уже с пяток лет.

А потом К015к вдруг заволновался и попросил сойти, дескать, у него аритмия.

— Сейчас мы тебя полечим, ложись в медгроб,— обрадовался майор Бурелом. Тогда пленник быстро на попятную пошел, мол, подурачиться нельзя, что ли.

— Умному-то можно подурачиться, а тебе не стоит,— напомнил Крюк.

На пятнадцатом километре псевдо-Кактус ударился в дрожь и

даже в подергивания. И хотя Кнопка несколько раз пыталась сделать успокаивающий укол, конвертант не очень вежливо отпихивал кибердоктора со шприцами.

Наконец, в секунду сильного нездоровья псевдо-Кактуса, старательный кибердоктор прорвался к нему и наконец уколол. Все услышали, как игла переломилась несколько раз и потом искрошилась в странной плоти нашего пленного.

И хоть присутствующие морально давно подготовились ко всяким фокусам, выплеск К015к все равно оказался не слишком ожидаемым. Он, ни много ни мало, выхватил свой “Мясоруб” и хотел сидящего за пультом управления Бурелома избавить от лишних мыслей вместе с головой. Однако на сей раз Крюк выступил в роли не умника, но драчуна. Он успел отсоединиться от кресла и поддеть рукоятку резака носком своего ботинка. Оружие улетело, изранив по дороге своим сияющим лезвием ни в чем не повинную бортовую переборку.

Ну как, несмотря на то, что псевдо-Кактус жует иглы задницей, осадить его все-таки можно? Впрочем, этот вывод оказался явно преждевременным. Крюк не уделал конвертанта, скорее наоборот. Правда, нога нашего человека по многообещающей дуге тянулась к челюсти противника. Чуть-чуть не дотянулась, то есть, была перехвачена и взята на излом. Крюк судорожно вспорхнул, когда хрустнула его кость, и свалился кучей в угол.

— Ай, сломался,— фальшивец сделал виноватый вид. — Да, хрупок тот, в ком совесть нечиста.

Кнопка испугалась пальнуть из сквизера в таком тесном пространстве, зато подхватила оброненный резак и два раза чиркнула бешеным светом по широкой груди конвертанта.

И тут он показал, что не такой как все. Не просто иной, но и слеплен совсем из другого теста, чем люди, животные и любые машины. Не образовалась рана или пробоина в его груди, напротив она засияла, в ней завертелись какие-то бесчисленные нити и волокна… А потом псевдо-Кактус явно устаканился. Попросту говоря, стабилизировался. И самое жуткое — посмотрел довольным лицом на обидевшую его Кнопку. Улыбка у него заползла сначала на одну щеку, потом на другую.

Я это наблюдал по монитору, и то неприятно стало, что уж говорить о девушке. Но прежде, чем заняться вплотную Кнопкой, бывший пленник переключился ненадолго на Бурелома, который явно обомлел. Вернее, забыл, что он умеет делать. А ведь мог хотя бы тормознуть реверс-двигателями и влепить псевдо-Кактуса в переднюю переборку.

К250к, пользуясь озадаченностью будущей жертвы, схватил ее

за шкирку и двинул лбом о приборную доску. Голова майора стала безвольно кататься по кнопкам.

— По-моему, из такой башки получился бы неплохой мяч,— заметил конвертант.

Что говорить о майоре, если даже в моей голове преобладала звенящая пустота.

— Эй, Кактус, или кто ты там, попробуй-ка, ударь меня,— с жалким вызовом произнесла Кнопка, тоже находившаяся в каком-то полудетском состоянии, хотя рядом с ней подмигивал огоньками резервный пульт управления.

— Я не бью красоток. Скорее уж, я с тобой потанцую,— посулило жуткое создание.

Ловким нажатием клавиш К250к отсоединил крепления на кресле дамы, затем распахнул оба шлюзовых люка.

— Что-то больно спертая атмосфера, проветримся, а?

Глаза у него набрякли и покинули лицо, из дырок вырвался поток какой-то липкой дряни, который закружил Кнопку — почти в вальсе — и потащил к распахнувшемуся шлюзу. Эх, как же я раньше не догадался, К250к — не биоробот, а просто нечистая сила!

— Не трожь женщину, урод. У нас и так бабы в дефиците, понимать надо!

— В моей голове наконец взорвалась (естественно, мысленно) крохотная бомбочка, отчего я включился в ситуацию и вылетел из своего медгроба. Вся Космика, Юпитер, Сатурн, Марс, астероиды окинули меня напряженными взглядами, поддавая ходу моему оборонительному смерчу. Его пробуждение было как никогда кстати. Он сразу почувствовал оппонента, который оказался сложным букетом горячих, холодных, колючих, режущих, мягких нитей — прямо чертовой каруселью. Оппонент тоже откликнулся.

— Слушай, ты поздно появился, Штеккер, мы уже собрались расходиться. Ладно, я провожу тебя с цветами.

Он ударил первым, как поступал и настоящий Кактус (правда лишь с чужими). Пучок раскаленных игл воткнулся в мою подвздошную область. Это был нокаут, я чуть не пал на поле дряни. Но обошлось. Моя оболочка впитала вражескую энергию, как толстое одеяло кастрюлю кипятка.

Тем не менее, я согнулся пополам. И как следствие, вражеский кулак, звенящий словно вечевой колокол, стал опускаться на мой затылок, суля мрак и забвение. Перед ним двигалась ударная волна. Поэтому я точно знал его траекторию.

И решил провести прием, который называется “сальто марсианского жука”. Мой черепной коробок воткнулся в палубу, а согнутые ноги оттолкнулись от нее, чтобы, в итоге, вбить оба

каблука в противника.

Он, конечно, увильнул, однако, и я, завершив кувырок, оказался не в худшем виде. Моя защитная оболочка теперь тянула на звание доспеха. То, что казалось смерчем, стало пульсирующей броней. Из ладони протянулись резкие жесткие пульсации, напоминающие клинок. Псевдо-Кактус еще только полуобернулся ко мне, я мог ткнуть его в бок, но такой соперник требовал особого подхода. Поэтому пришлось рассечь невидимый силовой кабель.

Это был пучок нитей, по которым торопились откуда-то (с озера?) к конвертанту тяжелые мощные вибрации. Я резанул по кабелю, он резанул по пальцам… но фальшивец пошел вразнос. К250к был по прежнему груб и напорист, но уже не наносил прежнего вреда. Само собой, я тоже не превратился в боксерскую грушу. Напротив, изящно уклонялся от прямых выпадов и элегантно нырял под круговые удары.

Все-таки он чуть не доконал меня. Острым клювом, состоящим из трех пальцев, клюнул мою честную глазницу. Я едва успел мотнуть котелком назад и — в третий раз стукнулся мозгами о переборку. После чего перестал ощущать свою пульсирующую броню. Соперник, пользуясь моментом, нацелился переломить мне голень. Я неудачно перепрыгнул пинающую ногу, споткнулся и шлепнулся на спину, пропустив над собой кулак, сминающий беззащитный воздух.

Диковинный злодей готовился протоптать мне живот, уже занес свой башмак, когда ему помешал Бурелом. Весь в пене, несчастный, шатающийся, он поразил конвертанта каким-то баллоном. Тот, впрочем, лишь ткнул ладонью внезапно образовавшуюся помеху, потом снова занялся мной. Но неожиданно посмирнел, замер с торжественным видом, будто решил чихнуть или пропеть арию. Перерезанный кабель окончательно успокоил его.

Раздался хлопок, всю кабину затянуло дымом из кристалликов, словно бабахнул взрыв-пакет. Когда мгла рассеялась, вернее вылетела за борт, я убедился что Кнопка валяется на полу мятая, но все-таки живая, а с К250к сложнее. От него остался быстро вращающийся клубок серебристых ниточек-ленточек, которые разлетались с шипением и посвистом. Скоро вся кабина была залеплена белесой дрянью, напоминающей раздавленную вермишель

— она еще ползла куда-то, наверное, к еде и свету. Я ждал дальнейших происков, но она растаяла, не оставив даже вони на память — злой дух выдулся в распахнутый борт. Можно было закрывать люки и подводить итоги мероприятия.

На Крюка, кажется, по ходу дела наступили еще несколько раз, и он только охал в углу, похоже было, что целых костей ему оставили немного. Кнопка уже держалась на ногах и, приглаживая одной рукой волосы-перья, другой трогала прореху на моей куртке, сквозь которую виднелась изрядно подгоревшая кожа.

Ласка была непритворной, скупой и потому приятной, ради нее я бы не отказался подгореть еще в нескольких местах.

А потом я заметил Бурелома. Он лежал в волдырях, язвах, с дырой в груди, через которую вытекла красным ручейком вся его жизнь. Бурелом, не задумываясь, плеснул ее на ту чашу весов, которая называется “победа”.

Майор не был одноразовым бойцом, он достаточно повоевал, чтобы приобщиться теперь к божественному ветру. И все-таки то, что его убили какие-то крутящиеся сопли, внушало отвращение к жизни и смерти.

6

Крюка и Кнопку я высадил из основного модуля. Я им вполне доверял, просто у них имелась своя задача. Для начала соратничкам надо было дождаться с орбиты резервный модуль.

Напоследок Крюк торопливо объяснял мне, что все конвертанты, островки на озере, вещи с местной фабрики и прочее, пока незамеченное нами,— есть органы одного большого существа по имени ПЛАЗМОНТ. Что это живая тварь, выпускающая бесформенные незаметные СПОРЫ. Что те поглощают разнообразную материю — от пельменя до кровати и Финогенова — делятся, разрастаются и принимают облик своей еды.

Крюк лопотал про то, как выросшие и повзрослевшие споры становятся агрессивными ГАМЕТАМИ, которым предстоит неслабая работа — соблазнять жертвы, что бы их легче было зацапать. Как гамета вела себя баба с Курком, и псевдо-Кнопка со мной, и наглый пацан с Кактусом. Гаметами являлись и некоторые псевдо-предметы: послушный пузырь, дурацкое золото или психотронный генератор.

Чтобы это понять, никакого Крюка мне не требовалось. Достаточно было подлечить голову, добраться до койки на базе, принять пива с хреном, ублажить мозговое вещество никотином, ну и выдать чин-чином полную правду под бренчание гитарных струн. Однако сейчас я занимался более серьезными вещами.

Поэтому один Крюк, реализуя право на бред, давил из себя всякую дичину. Дескать, Плазмонт, хоть и похож на братьев наших меньших Protozoa и всяких бацилл, не сделан из клеток, привычных молекул и атомов. Ничего такого у него нет. Он весь состоит из НИТЕПЛАЗМЫ. То есть, из монад, шнуровидных молекул, которые больше никак не структурируются. Это какая-то первичная форма существования материи без разделения на массу и энергию. Крюк еще щеголял такими словосочетаниями, как струнная структура, овеществленные нитевидные поля. Каждый шнурок-монада — это вибрирующая на определенной частоте струна массоэнергии. В вибрации ее сила и информационная насыщенность…

Крюк показывал эрудицию на том материале, который собрал я. На том, чему я был свидетелем, где был участником. Все правильно, благодаря соблазнению в защитном поле добычи открываются каналы, в них вползают нити-монады, завязываются узлом и начинают тянуть плоть из ячеек гравиполя. Благодаря воздействию на некоторые железы внутренней секреции жертве

становится радостно. Процедура кончается тем, что монады выдавливают всю начинку до последней капли.

А если процесс прервался, гад хотя бы успевает ухватить достаточную порцию молекул из мозга, ответственных за зрение, память, волю, передачу импульсов. Энергия и информация глотками разносятся по телу Плазмонта и откладываются, большей частью в ядре. Ну и ядро не остается в долгу перед периферией, такой как псевдо-Кактус, подкрепляя ее мощными токами.

Крюк вел приблизительные разговоры о том, что нитевидные структуры — это первое, что образовалось в результате Большого Взрыва при растекания энергии-массы по неоднородностям пространства. А неоднородности остались еще от предыдущей вселенной. Где они оказались посущественнее, там и сгустились нитевидные структуры для долгой и счастливой жизни.

Мне же предстояла не болтовня, а типовая атака по методу “мухи и орла”. Задача орла — рисковать как можно меньше, задача мухи — быть нахальной. Я — “муха”, поэтому должен вторгнуться во вражеское гнездо на основном модуле. Где мое присутствие господину Плазмонту больше всего не понравится — там ядро. Едва я сообщаю верные координаты цели, с неба валятся “орлы” на резервном модуле и вколачивают бомбу, куда положено.

Антигравитационная бомба — вот та пилюля, которую нужно прописать Плазмонту и засадить в самое ядро. Бомба — это протоновый сгусток, в него немедля влезут все монады. А затем протоны вдруг сменят знак вращения, то есть пресловутый спин, под действием сверхмощного электромагнитного поля; станут антипротонами, и от этого масса поменяется на антимассу. Все монады кинутся врассыпную, как ошпаренные глисты и Плазмонт просто расползется словно трухлявая тряпка.

Прощался я с Кнопкой довольно нежно. Если вдруг стану посмертным героем Космики, чтоб было чего ей вспомянуть. Ведь как известно, монументы с конем и змеей нашим отличившимся согражданам не положены. Иначе на улице было б не пропихнуться сквозь частокол бронзовых героев. Только съеденное, выпитое и выдохнутое остается нерукотворным памятником. Да еще прозываются гордыми именами героев открытые учеными микробы, например — spirochaeta alexis K123.

Мне предстояло подарить свое имя микробу, а Крюк нацеливался в ученые, поэтому и чувствовалось, что он лелеет свою задницу для кабинетной работы.

Я, наконец, рассказал боевой дамочке подробности свидания с ее двойницей. Когда дошел до упоминания родинки в одном

укромном месте, эта кобра очковая, эта машина для убийств (которые, надо признаться, она проделывала всегда довольно мило) даже зарумянилась. По-моему, я стал главным претендентом на ее прелести, хотя, ясное дело, безумной любви от нее не дождешься. Правда, еще надо уцелеть. В противоположном случае стану струйкой божественного ветра. Говорят, все валькирии, включая Кнопку, с ним регулярно имеют интим, отчего так неуступчивы с простыми смертными.

И вот я запорхал над озером. Оно почуяло сверхмаскированный модуль загодя и быстро закрылось туманом. Потом геноссе Плазмонт наслал на меня своих солдат, оказывается, имелись у него такие. Его бойцы были похожи на наших, как задница на пулемет. Внешне они — вертящиеся шары, диски или колбаски, очень невкусные колбаски. Выпрыгивают из тумана так, будто кто-то лупит по ним здоровенной ракеткой. Вдобавок разлетаются на шарики и сосиски. Иногда, но не всегда. Эти штуки норовят задеть меня, как-нибудь навредить, и в конце концов падают обратно в туман.

Кстати, больше всего им не по вкусу пришлись очереди из обычного крупнокалиберного пулемета. А импульсники, бластеры и сквизеры, наоборот, производили благоприятное воздействие и даже укрепляли их аппетит.

Это, так сказать, объективная сторона, а субъективно-то я противников, конечно, ощущал своей оболочкой. Она казалась большой, а круглые солдаты мелкими — не крупнее, чем шмели, оси и и знаменитые японские сюрикены. Я старался давить их прежде, чем они ужалят, перемалывал мощными пульсациями своего персонального смерча. Что интересно, в моей размашистой оболочке упорство врагов все-таки теряло направление, а наступательная энергия растворялась. Затем, после незаметной концентрации, она возвращалась к следующей волне нападающих жесткой отдачей. Так вот, правда-реальность заключалась в том, солдатики лопались и превращались в безвредные брызги прямо на моих изумленных глазах.

Однако, снизившись в туман, я потерял ориентацию. Еще и движок заикал, значит, в плазмодинамических камерах стало нехорошо с потенциалами. Высота принялась таять помимо моего желания. Даже “броня” не очень-то выручала, “шмели” и “сюрикены” жалили будь здоров. Это, наверное, потому, что я здорово струхнул. А в реальности солдаты бросались на обшивку модуля и исступленно грызли ее. Поэтому мне показалось, что я, как в кастрюле, за которую взялись сотни крыс. И стрельба из пулемета в упор не слишком много очков приносила.

Дальше сплошное расстройство. Совсем упали потенциалы в двигателе, должно быть, какой-то вражий боец пролез через сопло. Враги отгрызли самую хрупкую часть модуля — стабилизатор высоты! Наконец, мне обработали и обзорную систему. В тоскливом итоге, я без затей стал валится вниз, слабо цепляясь за высоту маневровыми двигателями.

“Приготовьтесь упасть с неба, это бывает раз в жизни”,— так, наверное, выразился бы Бурелом.

Я сел в лужу, вернее, плюхнулся в воду. Однако ее поверхность стремительно затягивались, как в сильный мороз. Но озеро схватывал отнюдь не лед. Острова как амебы плодили островочки, те тянулись друг к дружке белесыми извивающимися жгутиками. Во время обеда мне такое без рвотного пакета не стоило бы показывать.

Острова срастались, оставляя лишь тоннели меж собой. А потом по одному из них промчалось, должно быть, с ракетной скоростью несколько солдат. Ну и долбануло. Крепления въелись в тело, зашлепали по воде борта. Когда я сфокусировал взор, то первым делом различил проломленную обшивку.

Теперь уже через пробоину можно наблюдать с какой наглой торопливостью меняется пейзаж. Различим стал огромный приземистый дворец. Часть стен и внутренних перегородок срезана, как на плане — видна путаница коридоров, невысоких лестниц, квадратных колонн, бассейнов для дождевой воды, пузатых емкостей для масла и зерна, изваяний божеств, похожих на пучеглазых часовых. А в центре лабиринта кто-то малосимпатичный, чуть ли не с бычьей головой, объедает барельефы со стен. Плазмонт корчит из себя жутика Минотавра, пробивает ко мне канал страха? Нет, батенька, я вам не древний миноец и даже не грек.

Я готовил себя к очередному нападению кругляшей, но вместо них появилась псевдо-Фикса. Остановилась в двух метрах и пялится. Нервы мои зазвенели и я решил обратиться первым.

— Надо полагать, Плазмонт принял столь прелестный облик, чтобы я поскорее размяк и стал готов к употреблению. Ну, как поживаете, почему до сих не сожрали всю Землю? Не знаете, чем соблазнить поля, леса и горы?

— Алекс,— сказало оно (или она?),— я тебя уважаю.

— Это ритуальная предобеденная фраза? Надеюсь, еде не обязательно отвечать. А можно взять последний тайм-аут? Хочу покурить, подумать о своей девушке.

— Если собрать ухажеров девушки-Кнопки, то их хватит на пару эскадрилий и слет пилотов-отличников впридачу. Она ведь профессионалка,— довольно ехидно процедило существо.

— Вы вполне профессионально используете информацию интимного характера. Это, господин Плазмонт, сближает вас со спецслужбами всех стран и народов.

— Кончай придуриваться,— довольно грозно рыкнула псевдо-Фикса. — Я не Плазмонт, козел ты этакий. Скорее наоборот. Я сейчас болезнь Хозяина, взбунтовавшаяся информация. Для ясности — зона воспаления и мутации в его уме.

Я беседую со взбунтовавшейся информацией! Дожил. Она же упорно продолжает:

— Плазмонт отнюдь не демон-вампир. Скорее, большой вирус, который превратился в машину для увековечивания. В свое время он привык лакомиться затухающими цивилизациями — людьми, предметами — ведь защита у них ослаблена. Он, естественно, вбирал массоэнергию, необходимую для пропитания, а заодно и сведения, которые использовал для соблазнения. Со временем он стал настоящим человековедом и даже взялся коллекционировать характерные черты и особенности исчезающих культур.

— Какой прекрасный рассказ о людоеде, который кушал людей, вначале оттого, что они ему просто нравились, а потом, чтобы лучше узнать их. Особенно приятны были на вкус люди талантливые, художники, поэты. Со временем он стал собирать коллекцию из косточек и прочих культурных ценностей… Ну, зачем, например, мне увековечиваться?

— Допустим, он сочтет тебя типичным представителем цивилизации. Тогда, впитав тебя, Плазмонт сохранил бы и ее.

— Тут вы, уважаемый собеседник, или собеседница, пролетели мимо. Во-первых, я вряд ли являюсь столь калорийным питанием. Во-вторых, Космика все свое хранит сама. Ей старьевщики как раз не нужны, в отличие от вырожденцев-землян.

— Плазмонт пока еще не понял Космику. Алекс, мне кажется, ты смог бы кое-что втолковать ему.

Итак, мне надо убедить себя, что Плазмонт просто интересный в общении эрудит. Этакий старичок-кальсонщик, который сидит среди всякой ветхой рухляди и рассказывает байки: “Вот, помню, до войны, когда еще такие большие ящерки кругом ходили…” И при том забыть, что он коварный слизняк, который так и норовит выпить все твои соки.

— Ну разве легко вступить в переговоры с какими-то соплями? Если даже они и разумны по-своему. А вдруг у нас разные языки. Я, например, говорю, а он, допустим, танцует и поет. Кто составит словарь понятных ему слов? Я даже не знаю, где у него перед, где зад… Фикса, неужели это ты? — неожиданно

спросил я у оборотня, наверное, потому что дыхнуло на меня чем-то знакомым.

— Душа Фиксы. Волновой пакет. Связка тонкоэнергетических пульсаций, которая есть у тебя, меня и Плазмонта тоже. Это нас роднит. Она может быть очень мощной, вспомни свой персональный смерч, защитную оболочку, пульсирующую броню. Кстати, во время стычки в сарае у меня имелось еще и тело. Тогда Плазмонт устроил все так, чтобы вы меня заподозрили. Хотя, между прочим, айкидо я изучала у самого Уэмуры.

— Ну и номер! Значит, ты в 22:30 высвистала из жалости резервную группу, потом появились эти псевдо, и эрзац-Кнопка хлопнула тебя из моего сквизера…

— Ты очень правильно делал, когда сомневался в моей виновности. Но сейчас это уже не интересно… Так вот, беда Плазмонта в том, что рано или поздно он нарывается на душу, которая ему не по зубам. Понимаешь, в отличие от старушки Земли, он не смог соблазнить меня…

— А я бы тебя смог? — брякнул я невпопад.

Фикса, вернее, ее душа, даже немного замялась.

— Во всяком случае, ты хорошо целуешься, Алекс. Может, поэтому мы сейчас строим совместные планы.

— Недурственная основа для объединения наших усилий.

— Я сейчас твой дружественный интерфейс,— максимально убедительно произнесла Фиксина душа. — Плазмонт не будет посягать на твои молекулы — передача вибраций в его монады пойдет через меня. Я соединю твое сознание и его. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я?

— Пожалуй, выбор у меня небогат. Как говорили в райском саду — вот, Адам, тебе Ева, выбирай себе жену.

Плазмонт не ждал меня в своем дворце-лабиринте с распростертыми объятиями. Он сразу взялся за мою обработку, хотя это трудно было назвать направленным воздействием. Чего стоит один интерьер. Кроме моего ультрафиолетового фонарика никакой подсветки. Вязь из масок-рож на стенах лабиринта: смеющихся, плачущих, тупых, хитрых и всяких прочих. И слизняки кругом, жрущие, выделяющие, сливающиеся, делящиеся. Все было сделано, чтобы напитать меня тоской. Эх, до чего способны вогнать в грусть биологические процессы и человеческие лица! Тысячи помыслов, деяний, желаний. И все такие неглубокие, что остался от них лишь штампик на стене.

Я как-нибудь сообразил, что Плазмонт не унимается, что он упорно долбит каналы в мою душу. Внушает бессмысленность жизни, работы, отдыха, нагрузок, удовольствий.

Мне было тяжело, выматывало, выжимало. Но я понял, что накатившая бессмыслица не моя. Ведь я — это Космика.

А Космика-то живет! Даже дышит. Причем как! Может, у нас не очень ясно с правами на личную жизнь, но с должностными обязанностями и кастовыми возможностями — пока что в ажуре. Мы не пережевываем самих себя, зато едим время, пространство, врагов — которых, кстати, не придумываем. Ведь в космосе ничего сочинять не надо, там и так есть все.

Меня не шибко беспокоит персональный календарь. Когда легким выхлопом отработанных газов присоединюсь к божественному ветру, годом раньше или позже, особой разницы нет. Даже если я совсем лажанусь, тоже не беда, кто-то ведь должен стать очередной палочкой в неизбежной цифре потерь и неудач.

Плазмонт меня понял. Такую проницаемость его ума-разума обеспечила, должно быть, превратившаяся в зону воспаления Фикса. Конечно, он мог бы размазать мой организм по стенкам, но получил бы снова неподконтрольную бунтующую информацию.

Поэтому он встретил меня неприятного вида тушей — ноги футболиста, задница мясника и бычья башка. Возможно это был жест отчаяния. Возможно.

Этот портрет Плазмонта ринулся ко мне с самыми дурными намерениями. Ладони решительного чудища, горящие бешеными вибрациями, уже были готовы дать мне по ушам и превратить голову в обугленный черепок. Я просто поднырнул под его ищущие руки, их жар перешел в мою оболочку и сделался силой противоположного знака. Защита затвердела, стала броней и лишь слегка спружинила под наваливающейся тушей. Осталось только провести прием.

Ноги оппонента в сандалиях древнекритского производства приоторвались от пола. С помощью легкого подворота я помог движению туши вперед. Упал Минотавр на собственные пламенные руки. Очень неприятное зрелище — еще одно короткое замыкание. Однако, он хоть и в подпалинах, но подскочил и хуком слева попытался свернуть мне шею. Я слегка сместился, а моя рука успела зафиксировать его предплечье. Это не намного облегчило бы мою участь, да только оборонительный смерч украл энергию его жесткого удара и изменил ее знак, превратив в мягкую силу потока. Я будто услышал шум воды, и Минотавр улетел вслед за своим кулаком в стену.

Он очень хорошо подставился: широченной спиной, квадратным затылком. Теоретически хорошо, но практически не будешь же отвешивать ему поджопники. Я схватился руками за

рога противника. Потащил на себя. Они обманчиво легко, как вода, поддались, но постепенно нарастив сопротивление, застыли, затем двинулись уже вперед. Одновременно и лапищи гибрида легли сверху на мои ладони. Сейчас он чуть присядет, рванет — и мой незначительный лоб уткнется в твердь стены. Но оболочка, не сплоховав, отдала всю запасенную силу — ударила будто шквальным ветром — и зыбкая макушка Минотавра впилилась в им же созданную стену.

Товарищ по недетским играм слегка расплющился и обмяк. Впрочем, это ненадолго. Энергия и информация наверняка уже перетекали по монадным шнуркам в новую, более подходящую форму. Но долго и не надо. Я был в самом ядре, пусть-ка поработает мой маячок, с помощью которого наведется антигравитационная бомба. Даю сигнал: “Морда вызывает Кирпич. Иди ко мне.” Вот она уже близка, любезная бомбушка, с надписью на боку: “Лишний раз не бросать. Может нанести серьезный ущерб вашему здоровью”.

Прощай, Плазмонт. У меня сейчас тоже “мене, текел, фарес” — вот-вот будет подведен итог трудовому стажу. До встречи, божественный ветер.

7

Что за дела? Бомба свалилась. Все разлетелось, включая меня. А я все-таки жив. Или мне так кажется? Мысли-то есть. Не слишком богатые, но все же имеются. И ощущения хлещут, причем совершенно незнакомые.

Я знаю, кто я такой. Капитан Алекс К123 второго крыла пятой отдельной эскадрильи. Однако впечатление создается, что нет ни рук, ни ног, или, наоборот, они везде. Мои глаза и уши словно вращаются. Они на орбите. На орбите чего? Я весь состою из орбит.

Такая мельтешня вокруг меня: крупное, мелкое, медленное, быстрое, деревья, столбы, лица, органы, клетки, атомные решетки, молекулы, нити. Я жажду со всем этим познакомиться поближе и торжественно клянусь, что буду лелеять для вечности светлый образ каждой пылинки.

Стоп. Я, вроде, стал Плазмонтом. Только очень маленьким, спорой — мои орбиты теснятся слишком близко к центру. Наверное, поэтому так хочется быть спящим и оживлять во сне царства, пирамиды, монументы. Я помню, что родом из Космики и не должен вредить соратникам. Но кто знает, что произойдет, когда я просплюсь. Может, и Космика одряхлеет к тому времени. Мне немало придется попотеть, чтоб сохранить ее навсегда на полочках своего ума. Я ведь не чужой ей, как не был чужим Земле тот предыдущий, которого я сменил.

Кажется, женский голос подмурлыкивает колыбельную. Это Фикса? Эх, заживем мы с тобой в одной споре, как Робинзон с козой… Фикса, где ты? Ой, больше не могу, глаза сами закрыва…